

К. С Е Д Ы Х

По
Южному
Милану

Дорогой коллега по работе
и нашему общему делу
надеюсь, что вы будете
от нас слышать много хорошего.
С уважением,
В. Смирнов

Ухула
18.08.64..

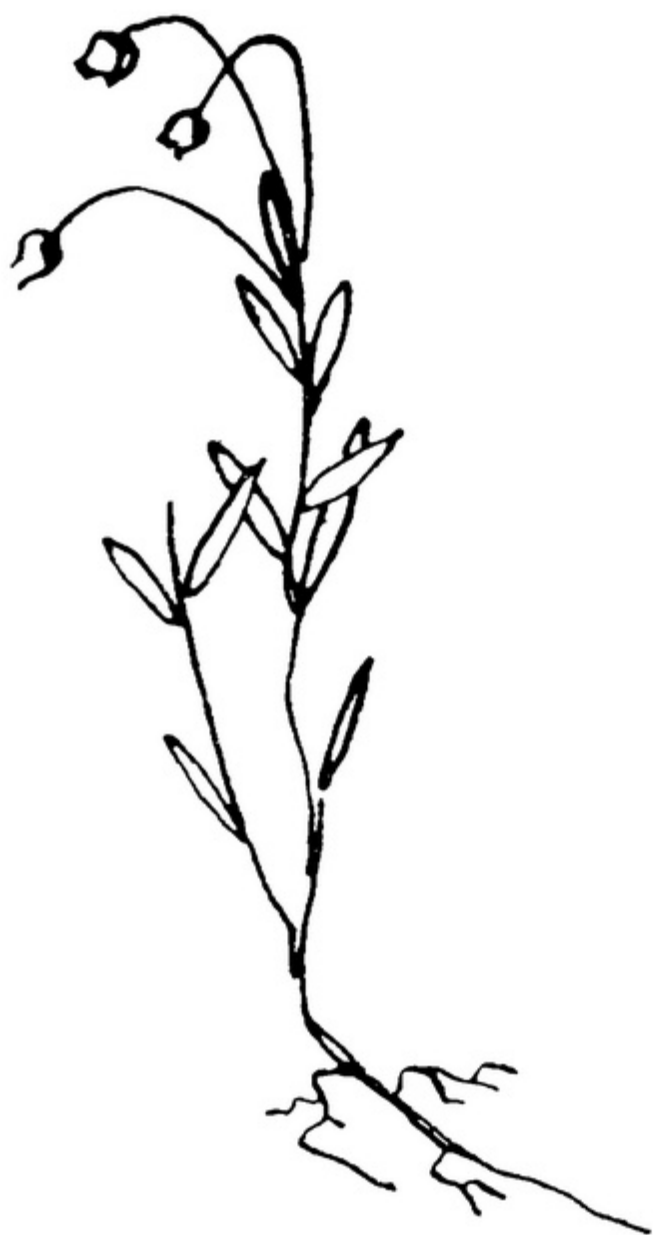

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЫКТЫВКАР 1963

91 (077)
С—28

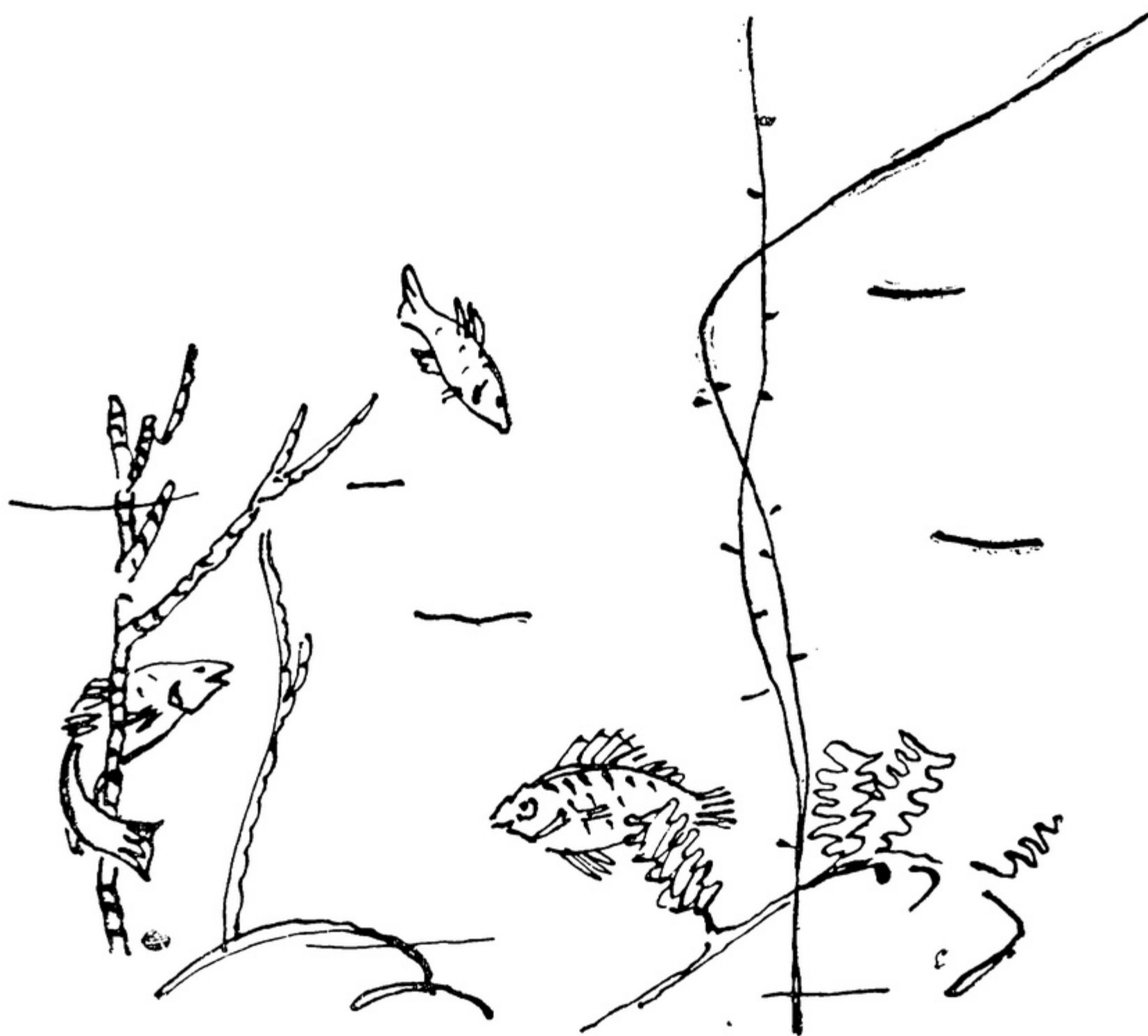
Книга в живой форме рассказывает о работе краеведческого кружка при Ухтинском Доме пионеров и о том, как ребята своими руками создали краеведческий музей. Читатель узнает об увлекательных походах по родному краю, многочисленных экскурсиях в любое время года, поближе познакомится с животным и растительным миром окрестностей Ухты, с их геологическим прошлым.

Книга может оказать большую практическую помощь преподавателям естествознания в организации краеведческой работы. Ее с интересом прочтут и все те, кто любит нашу северную природу.

Нам
краеведческий
музей

Любовь к странствиям заложена в душе каждого человека. И действительно, что может быть увлекательнее и интереснее путешествия? Из поездок и экскурсий почти всегда привозишь какие-либо памятные вещи и фотоснимки. Если собирать коллекции с некоторой направленностью, то постепенно из них можно создать небольшой музей. И он возникнет тем скорее, чем больше к этому будет стремление у собирателей. Ну, а о том, какую большую пользу приносит людям музей, можно подробно не говорить.

ТАК У НАС НАЧАЛОСЬ

В 1946 году, в конце апреля, я впервые приехал на Южный Тиман, в город Ухту. Не очень мне приглянулись тогда здешние края, и была мысль поскорее как-нибудь вернуться на родину — в Ленинград. Но шли годы и, постепенно все ближе и глубже изучая суровый край северной тайги, я стал страстным любителем северной природы.

Летом 1948 года вместе с группой школьников мы стали собирать гербарий местных высших растений, и за лето

нам удалось найти 220 видов. С 1949 года начались регулярные сборы коллекций насекомых. Тогда же в моей маленькой комнатке на окне, в аквариумах и террариумах, поселились горные ящерицы, лягушки, рыбы, жуки, гусеницы.

В 1950 году как-то в этот «домашний музей-зоопарк» зашла методист-биолог Мария Васильевна Прозорова и предложила поставить это дело шире, организовав кружок в какой-либо школе. Осуществилась эта мысль в апреле 1951 года, когда при методическом кабинете гороно я начал свою первую работу со школьниками. Это был юннатский кружок, часть занятий вела Мария Васильевна Прозорова, она разводила и выращивала с ребятами комнатные и другие растения. К концу лета 1951 года они вырастили в комнатной теплице огурцы и помидоры до полной их спелости. Изучали влияние на растения внешних условий: тепла, света, холода, влажности.

Мне поручили вести зоологическую часть кружка. Она состояла из живого уголка с маленькой черепахой и живородящими рыбками. Других животных в ней не было. Так как уже наступила весна, мы решили поискать их в нашей природе. 30 апреля мы предприняли первую экскурсию в лес со школьниками. Ходили недалеко, всего километра за три, погода стояла прохладная и ветреная, но мне удалось показать ребятам, как наступает весна в наших краях (конец апреля в Ухте это большей частью еще ранняя весна). Собрали первые цветы, первых насекомых, поймали ящерицу, которую поселили вместе с черепахой. Через несколько дней из фотоснимков, сделанных на экскурсии, был составлен альбом.

Не менее интересной оказалась и вторая экскурсия на цепь мелких водоемов возле города (ручей, канавы и озера). Там мы наловили много подводных жителей: рыбок, жуков-плавунцов, улиток-прудовиков, ракушек-горошинок

и пиявок. В живом уголке собралось уже порядочное число обитателей, за жизнью которых можно было наблюдать часами.

О жизни некоторых животных известно еще очень мало. В книгах жизнь обычных мелких животных описана лишь в общих чертах на основании наблюдений, сделанных в средней полосе СССР, а нам было интересно узнать, как эти животные приспособились к нашим условиям. Вот, например, что мы узнали о жизни широко распространенной у нас живородящей или горной ящерицы.

Встречаются горные ящерицы на Южном Тимане всюду: на скалистых участках берегов рек и на торфянистых болотах, в густой еловой тайге и светлом сосновом бору, в городе и на лугу. Но в разных местах ящерицы имеют разную окраску: наиболее подходящую под цвет того места, где они живут. Мало того, если ящерицу, скажем, светлой окраски переселить на темную почву, то уже после первой же линьки ящерица окажется гораздо темнее, чем была, а через несколько линек еще более приблизится окраской своего тела к фону.

Ящерицы хорошо плавают, свободно переправляясь не только через реку Ухту, но и через Ижму, ширина которой около двухсот метров. При переправах ящериц иногда поедают рыбы, как это мы видели на Ухте. Питаются ящерицы различными насекомыми, они поедают всех насекомых, каких только могут проглотить. Ящерицы безбоязненно и быстро заглатывали ос, мелких шмелей и пчел, ловко хватая их за голову. Единственно, кого они не трогали даже при самом сильном голоде, — это мохнатых гусениц бабочек-медведиц.

Некоторые ученые пишут, что ящерицы часто поедают своих малышей, а иногда даже более мелких и слабых ящериц. Мы держали в одном террариуме до 70 ящериц одновременно и можем сказать, что ящерицы очень редко

поедают себе подобных, большинство не трогает других ящериц, хотя долго голодает, но встречаются отдельные «ящероеды», которые, наоборот, в любом состоянии (при наличии другой пищи) предпочитают «обижать» и съедать маленьких.

Мы видели, как вылупляются ящерята. Самка выглядит очень толстой и неуклюжей, последние дни двигается по террариуму мало. И вот иногда днем, иногда ночью откладывает прямо на песок первое, а затем и три других яйца. Яйца ее небольшие, около сантиметра длиной в мягкой оболочке синевато-белого цвета. Только что отложенное яйцо несколько минут лежит неподвижно, затем начинает крутиться, на нем то вздымаются, то опадают бугорки, пока, наконец, оболочка его не прорвется и оттуда выскакивает маленький коричневый или черный ящеренок.

Лягушки, как и ящерицы, которых не преследуют и не дразнят, быстро привыкали к ребятам, брали пищу (насекомых, червей, кусочки мяса) прямо из рук, с тарелочки, с пинцета. Три большие болотные лягушки прославились у нас тем, что съели даже... ужей! Это не оговорка. Вопреки всем установившимся понятиям не ужи съели «трепещущих от страха» лягушек, а лягушки ловко и быстро проглотили ужей, запихивая их извивающиеся тела лапами в рот. Правда, ужи были небольшие, с карандашик толщиной и длиной по 15—17 сантиметров и лягушки расправлялись с ними быстро.

Из наших наблюдений за лягушками мы установили, что они обладают интереснейшей особенностью прыгать на заметную высоту без «разбега». Для этого террариум с лягушками перегораживали на две части стеклом высотой 50, 60 и 70 сантиметров, по одну сторону сажали лягушку, а по другую — клали червяка. Некоторое время лягушка пыталась схватить червяка сквозь стекло, но несколько ударов носом об стекло заставляло лягушку изменить так-

тику; она начинала прыгать и часто уже с первого раза перемахивала через загородку.

Изумительное зрелище представляли собою в аквариуме хариусы, окуни и гольяны в брачном наряде.

Хариусы, только что выпущенные в аквариум (мы всех рыб ловили только сачками), метались синими молниями, глаз не успевал увидеть рыбу в одном месте, а запечатлевал серебристо-синюю полосу, промчавшуюся в воде, уже в другом. Через некоторое время хариусы успокаивались и начинали плавать более спокойно и тихо, уже не ударяясь в стекла аквариума.

Окуни с самого начала осваивались в аквариуме и медленно и важно плавали среди зарослей валлиснерии и элодеи. Брели корм они тоже спокойно и флегматично, полностью сохраняя свое достоинство.

Зато речные гольяны (малявки, как часто их еще называют) кидаются на добычу толпой, торопятся, толкаются, отпихивают и отгоняют друг друга от кормушки. В спешке гольян не соразмеряет своих возможностей, хватая добычу куда больших размеров, чем может проглотить. Один гольян схватил большого таракана и... подавился; судорожно извиваясь, он опустился на дно вверх брюхом. Мы вытащили его и вынули таракана из глотки пинцетом. Гольян немного отдышался и опять бросился к кормушке, но снова подавился, и спасти его уже не удалось.

10 июня 1951 года в Ухте открылся Дом пионеров и наш юннатский кружок из методического кабинета переехал туда. Директор отвел нам отдельную комнату.

Работа нашего кружка уже привлекла к этому времени внимание ребят, и если в апреле нас было всего 5 человек, то в июне стало уже 20, а к сентябрю — 80 человек.

Кружок разделился на четыре секции и принимал все больше краеведческое направление. Каждая секция (геолого-палеонтологическая, зоологическая, ботаническая и

энтомологическая) состояла из 1—4 звеньев по 10—12 учеников.

Такой большой актив детей мог собрать ценный материал, и уже в октябре мы имели первый небольшой музей природы нашего края с коллекциями минералов и окаменелостей, насекомых и раковин моллюсков, гербариями растений и чучелами птиц Ухтинского района. К 1952 году экспонатов собралось уже столько, что директор перевел нас в большую комнату.

Весной 1953 года краеведческий кружок отделился от юннатского. Для юных растениеводов во дворе Дома пионеров была построена теплица и парники, а для юных зоологов — одноэтажный голубой домик с примыкавшими к нему загонами, вольерами, клетками. Там постепенно поселилось много зверей и птиц наших лесов: лоси, северные олени, бурые медведи, песец, лисицы, белки, куницы, бурндуки, орлы, беркуты, журавль, чайки, утки, вороны, совы, ястребы, канюки, коршуны и другие животные.

Рос и краеведческий кабинет-музей. Основные экспонаты собрали сами ребята, но кое в чем нам помогли взрослые. Так комсомольцы-геологи дали на экспозицию в отдел геологического прошлого Ухты бивень молодого мамонта, позвонки кита и ряд картин, изображающих ландшафты и животных минувших эпох. На одном из заводов изготовили для нас электрифицированный макет — «Нефть и продукты ее переработки». В нескольких учреждениях нашлись ненужные им стенды и витрины, которые они передали нашему кабинету. Родители некоторых краеведов передали в музей свои интересные находки в Ухтинском районе, чучела птиц.

С 1953 года в наш кабинет-музей стали приходить первые организованные экскурсии школьников и взрослых, ставшие в последующие годы очень многочисленными и регулярными.

ВСЕ МОЖНО НАЙТИ НА МЕСТЕ

Организация витрин и стендов заняла немного времени. Часть витрин мы получили готовыми, но первые витринки для экспонатов ребята изготавливали сами из различных коробочек и ящичков, оклеив их черной бумагой и вставляя стекла. Черную бумагу доставали в фотолаборатории.

Директор дал нам два книжных полустеклянных шкафа на 4 полки. На двух верхних полках мы расставили влажные препараты и коллекции минералов, но это оказалось неудобным. Школьникам младших классов не было видно, что лежит на второй полке, да и две нижние тоже могли быть использованы как склад. После долгой «борьбы» с директором Дома пионеров (он все боялся, что мы испортим шкафы) передали нам шкафы под музейные витрины. Потребовалось убрать две полки совсем и вместо нижних фанерных филенок вставить в дверцы стекла. Теперь мы смогли сделать два хороших макета «уголка природы». Они были удобны для детей любого возраста. Художник нарисовал пейзажи леса, реки, болота, а ребята принесли из походов мох, камни, песок, пеньки и сами сделали остальной монтаж.

Влажные препараты мы делали так: летом ловили рыб, лягушек, червей, личинок насекомых в банки с формалином, а зимою монтировали их по отдельности. К тонким и узким (или широким, по надобности) полоскам стекла мы привязывали проволочками или нитками экспонат и помещали его в банку с 3—4-процентным раствором формалина. На банку наклеивали этикетку с названием животного.

Мы старались, чтобы наши коллекции выглядели как можно красивее, а для этого в местной типографии отпечатали этикетки для насекомых, листы для гербария растений и обложки к гербарным папкам. Оставалось вписать в них даты и другие данные. Проволока и набивка для

чучел (вата, сено, пакля) есть везде, а искусственные глаза (стеклянные) мы купили в московском зоомагазине, стоят они очень недорого.

Походный инвентарь мы тоже большей частью находили на месте. Энтомологических воздушных и водяных сачков обычно было очень мало, и мы сами изготовляли обручи из проволоки, насаживали их на палки, обшивали марлей. С помощью слесаря смастерили даже несколько складных сачков разных конструкций и размеров.

Для сбора насекомых на экскурсиях применялись обыкновенные спичечные коробки и жестяные баночки из-под леденцов, в крышке которых проделывали два отверстия: одно закрытое с припаянной мелко-ячеистой сеточкой (для дыхания), другое — дверь с задвижкой. Растения во время экскурсий собирались в ботанизирки и в гербарные папки.

Для монтажа коллекций сухие насекомые, хранящиеся в пакетиках и на ватных матрасиках, пересыпанные от моли нафталином, размачивались или на сыром песке в тарелках, где они находились сутки, прикрытые сверху стеклом, или в чашечках Петри на сырой вате. Последний способ более удобен.

Собранный материал определяли мы по определителям, которые постепенно накопились у нас за последние годы.

РАБОТА СЕКЦИИ ЗООЛОГОВ И БОТАНИКОВ

Фауна и флора Ухтинского района собраны и показаны в нашем краеведческом музее довольно полно и расположены, насколько позволяло помещение, в тематическом порядке.

Мы много раз монтировали свои макеты, добиваясь возможно большего сходства с естественными уголками природы. Меняли местами чучела, подбирали фон, стремясь,

наряду с наиболее удобным для обозрения местом животного, передать и ту обстановку, в которой оно живет.

Для примера расскажу о такой работе с дятлами. Первое время у нас имелись лишь две шкурки дятлят (изготовленные пятиклассниками), которые вместе с другими шкурками птиц экспонировались на большой плоской витрине.

В 1956 году я научился делать чучела зверей и птиц. Первой моей работой был большой пестрый дятел. Как его показать? Сходили с мальчиками в лес, выбрали несколько трухлявых елок, над которыми уже потрудились дятлы (в нескольких местах виднелись выбоины, сделанные их клювами). Эти елки мы спилили и принесли в музей. Несколько раз примерили, то один, то другой ствол. Наконец, выбрали нужную елку, установили ее в вертикальную витрину и поместили туда дятла. Подножье дерева закрыли пластом нежно-зеленого моха-гипнума и рокета. Получилось неплохо, но мы остались недовольны.

Еще раз сходили в лес, нашли сухую сосну со старым дятловым дуплом, затем еще выбрали кусок березки, имевшей следы ударов клювом дятла. Эти птицы любят попить сладкий березовый сок, для чего «кольцуют» березы.

Таким образом, можно было увидеть и самого дятла в естественной обстановке, и его дупло, и «кольцованную» березу, и раздолбленное трухлявое дерево, очищенное от насекомых — разрушителей древесины.

Отсюда был уже только один шаг до показа и самих насекомых — вредителей леса, которых уничтожает дятел. Мы вмонтировали их вместе с образцами повреждений в остекленную коробку. Это несколько не помешало естественности биогруппы и расширяло сведения о биологии дятла.

Вскоре охотник-любитель Шаевский подарил нам чучело черного дятла, затем у нас появились седой (зеленый) и

белоспинный дятлы. В этой же витрине мы поместили постоянных спутников дятлов — синиц (большую и пухляка). Сделали монтаж второй остекленной коробки с вредными лесными насекомыми, которых поедают синицы. Синица-дуплогнездник пользуется не только «квартирами» дятлов, но и сама выщипывает в трухляках мелкие дупла. Походили несколько дней в окрестных лесах и нашли такое дупло.

По принципу — дать как можно больше сведений о самом животном, о его связях с окружающим миром и о его значении в жизни и хозяйстве человека — построена и вся остальная экспозиция нашего краеведческого музея.

Около 130 чучел зверей и птиц Ухтинского района собрано в 21 биогруппу (чайки на берегу реки, утки на озере, глухари, тетерева и рябчики в чаще леса, зимняя жизнь птиц и т. п.).

Группа краеведов у экспонатов

Много чучел птиц и зверей сделано самостоятельно членами кружка — учениками 5—9 классов. И выглядят они вполне прилично. Вася Залесский, набивший летящего канюка-зимняка, ястребиную сову, кролика и других небольших животных, справился даже с чучелом молодого лося, хотя и возился с ним две недели.

Кроме тушек, которые приносили охотники, музей пополнялся и погибшими животными из нашего уголка, так как многих животных нам приносили ранеными и самый заботливый уход не приносил им выздоровления.

Монтаж макетов также стали делать сами ребята. Если у них возникало затруднение, я напоминал им о пейзаже того или другого похода, и работа продолжалась. Во время походов я старался обращать внимание ребят на лес, луга, болота, чтобы они запоминали их краски.

Пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, черви и личинки насекомых были выставлены только в виде влажных коллекций в формалине. Банки с этими животными мы поместили в три узкие и высокие стеклянные витрины и расставили на стеклянные полочки. В четвертой такой витрине мы разместили коллекцию птичьих гнезд, которые собрали в зимнее и весеннее время.

Растения и насекомые всегда связаны между собой в природе, поэтому и в нашем музее они экспонируются вместе. Гербарии были составлены в систематическом порядке по семействам и хранятся в особом шкафу, отдельные представители растений смонтированы в остекленных коробках. В коробки отобраны растения, имеющие значение для человека (лекарственные, пищевые, кормовые, медоносные, ядовитые), и в каждой коробке краткая история того или иного цветка, кустарника, дерева.

Вот пример одной из таких этиток.

Чемерица лобеля

Veratrum Lobelianum Bernh

«Многолетнее травянистое растение с коротким толстым корневищем. Рост 70—170 см. Цветет в июне — июле. Растет по сырым лугам и полянам. Опыляется мухами. Живет не менее 50 лет. **Очень ядовита!** При отравлении чемерицей наблюдаются сильное возбуждение, пот, слюнотечение, рвота, замедление пульса, слабость и общие судороги. **Лечение:** промывание желудка водой с танином, рвотное, черный кофе. Ядовита также и для скота. Употребляется в медицине как наружное болеутоляющее средство в виде спиртовой настойки, отвара или мази, а также как чихательное средство. Собираются корневища осенью и сушатся».

Таких коробок у нас 32.

Часть коллекций насекомых в краеведческом кабинете смонтирована по такому же принципу. Например, жуки не расставлены по видам, а сгруппированы по семействам и под каждым семейством стоит общая этикетка. Вот одна из них:

Семейство жужелицы.

Carabidae

«В большинстве — хищные жуки. Некоторые полезны тем, что истребляют вредных насекомых, червей и улиток. Растительноядные жуки сами наносят вред сельскому хозяйству. Почти все они ведут ночной образ жизни, днем прячутся под камнями, досками, глыбами земли. При опасности выбрызгивают едкую жидкость. Личинки также хищны. В Европейской части СССР их насчитывается более 700 видов. В Ухтинском районе пока найдено 72 вида».

Кроме школьников города Ухты, краеведческий кру-

жок посещали и ученики школ района. Так, три года в поселке Крутая был «филиал» кружка из 11 юннатов и звеньевой. Мы поддерживали с ними связь, писали письма, обменивались посылками, крутянские ребята время от времени приезжали к нам в Дом пионеров. «Филиал» проводил фенологические наблюдения, вел календарь погоды, собирал гербарии и коллекции в верховьях реки Ижмы.

С каждым годом расширялась связь кружка с туристами и краеведами других городов и сел нашей страны. По несколько лет продолжалась переписка со школьниками Москвы, Ленинграда, Сыктывкара, Воркуты, Душанбе, Херсона, Башкирии, Белоруссии, Ненецкого национального округа. Приходили также письма, фото, открытки, журналы и маленькие коллекции от школьников ГДР, Чехословакии, Болгарии и Японии.

Идут занятия кружка

Благодаря всему этому, мы смогли сделать очень интересную коллекцию — «Дневные бабочки географических зон». В большой витрине $1,20 \times 0,80$ метра поместили лист ватмана, расчерченный тушью на 8 частей. В каждой части слева было написано название географической зоны (тундра и лесотундра, тайга, широколиственные леса Европейской части СССР, степь и лесостепь, горы Средней Азии и Сибири, пустыни и полупустыни, широколиственные леса Дальнего Востока, тропические леса Южной Азии), над названием наклеивалась фотография характерного пейзажа и на пробочках были расставлены бабочки в два-три ряда.

Эта витрина дает наглядное представление и о богатстве нашей фауны, и о многообразии животного мира вообще, и о его распределении и приуроченности к определенным зонам. Так, для каждой зоны подобраны типичные виды: перламутровка полярная и тундровый сатир — для тундры, перламутровка лесная и горошковая белянка — для тайги, шашечница красная и желтушка эрата — для степи, аполлон дискобол и сенница сунбека — для гор Средней Азии, махаон маака и переливница шренка — для лесов Дальнего Востока. Наряду с типичными, демонстрируются и виды, встречающиеся в нескольких зонах, как например, крапивница, брюквенница, репница и махаон.

Наконец, в четырех витринах 40×70 см размещена фенологическая коллекция растений и насекомых по месяцам (апрель — май, июнь, июль, август — сентябрь).

На засушенных растениях, цветущих в данном месяце, летают и сидят насекомые, также характерные для этого периода.

Апрель — май. Цветут мать-и-мачеха, ива-бредина. Кушочки ваты иммитируют остатки нерастаявшего снега. Летают пчелы-андрены, галикты, первые весенние мухи-прото-

фории, перезимовавшие бабочки-крапивницы и весенние пяденицы и совки.

Июнь. Нет уже ярких золотисто-желтых головок мать-и-мачехи, вместо них тянутся вверх стебельки с пушистыми шапочками семян-парашютиков. Зато зацвел самый красивый и большой цветок нашей тайги — розовый пeon — марьин корень. Он как раз посередине витрины, и над ним тоже самая красивая и крупная из северных бабочек — махаон. Рядом раскрылись желтые головки купальниц, белые, пышные соцветия багульника, оранжеватые корзинки одуванчика, чашечки лютиков, а вот с ветки березы свислась плеть северной лианы — сибирского княжика с гроздьями белых колокольчиков. И бабочек в этой витрине уже гораздо больше: нежные горошковые беляночки, красивые зорьки с оранжевыми уголками крыльев, небольшие перламутровки эфросины, сатиры-бархатки. Здесь же и плоская стрекоза, одна из первых летних стрекоз.

Июль. Отцвели июньские цветы. Осыпались лепестки пеонов, вместо них теперь висят зеленые и толстые «стручки». Качаются длинные синие кисти вероники, стеной стоят стебли злаков, среди которых виднеются желто-оранжевые шлемики льнянок. Бабочки тоже уже другие — чернушки-эвриалы и чернушки кофейные, перламутровки-селены, торфяниковые желтушки, голубянки-донцейля.

Август — сентябрь. Цветут еще некоторые июльские цветы. Но рядом с цветущими головками чертополоха и бодяга уже есть и отцветшие, с «пухом» семена. Лопну́ли «стручки» пeона, и виднеются созревшие черные семена. Уже окрасились в осенние цвета и опадают на землю листья березы, черемухи, рябины, осины, а среди них летают опять другие бабочки — лимонница, траурница, с-белое, капустница, репница, крапивница. Многие из них останутся зимовать и вновь вылетят в будущем апреле или мае.

Таким образом, эти четыре коллекции дают довольно полное представление:

1. О смене в природе цветущих растений и летающих насекомых в зависимости от месяца.

2. Об изменении, происходящем с одним видом растения последовательно в разные месяцы.

3. О повторном появлении в природе (цикличности) отдельных видов насекомых — крапивницы, траурницы.

Интересен был также изготовленный ребятами стеклянный определитель бабочек. Учащимся младших классов еще трудно было работать с книгами, и старшие сделали для них стеклянный определитель. Между двух пластинок размером 9×12 см закладывали крылья бабочки и этикетку с ее названием, а потом окантовывали стекла черной бумагой от фотопакетов.

Небольшие коллекции мы часто раздавали в школы города и района, а также учителям из дальних мест, которые приезжали в наш Дом пионеров на семинары.

В ОТДЕЛЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

И в отделе геологического прошлого нам пришлось очень много поработать, пока, наконец, была достигнута наша цель — показать последовательный процесс развития животного и растительного мира, образование минералов и горных пород (в частности полезных ископаемых) от девонского периода древней эры до четвертичного периода новой эры.

Мы получили много очень хороших, талантливых картин и рисунков, изображающих прошлые периоды истории земли и вымерших животных, но этого было мало.

Школьники очень увлекались поисками палеонтологических образцов. Они исходили все окрестные реки и ручьи.

Результаты получились очень хорошие. Хотя город Ухта стоит на девонских отложениях (все более молодые размыты и снесены), кроме многочисленных представителей фауны и флоры девонского моря (кораллов, мшанок, строматопор, брахиопод, двухстворчатых, брюхоногих и головоногих моллюсков, панцирных рыб и водорослей), юные краеведы собрали также окрепшие скелеты животных каменноугольного и юрского периодов, которые были когда-то вымыты из коренных залегающих и сохранились в руслах рек среди девонских окаменелостей.

Исключительно хорошей сохранности и в большом количестве находили окаменелости Лева Виноградов, Леня Хозяинов и Ия Пылаева. Они очень наблюдательны и име-

Позвонок кита

ют острый глаз. Там, где другие проходили мимо, эти ребята не оставались без находок.

Неплохие сборы окаменелостей юрского периода мы сделали на реке Айюве. Но образцов пород и окаменелостей пермского и триасового периодов нам нигде не удалось найти. Тогда мы обратились к геологам, и они дали нам несколько недостававших образчиков.

Не было также нужных изображений вымерших животных. Выручили сами ребята. Часть они нарисовали сами, а часть нашли в старых журналах.

Теперь можно было монтировать всю коллекцию по геологическому прошлому Ухты.

В последнем, четвертичном периоде истории земли жил уже и первобытный человек. Одна из стоянок первобытных людей эпохи палеолита находилась как раз около Дома пионеров. Ежегодно весной и осенью наши краеведы обходят эти места и собирают новые осколки, обломки и кремневые орудия (ножи, скребки, резцы), вымытые дождями. Самые лучшие из них переданы в музеи Сыктывкара и Ленинграда, остальные экспонируются в нашем музее.

Краевед Леня Хозяинов заинтересовался, нет ли и в других местах города Ухты таких же стоянок, и вместе с Володиным Семеновым, Эдиком Тюкиным и Женей Козловым обошли весь город. Их поиски увенчались успехом. Примерно в километре от Дома пионеров, во дворе детского сада по Октябрьской улице, они нашли 10 отщепов кремневых орудий.

К отделу геологического прошлого непосредственно примыкает отдел истории. Там тоже есть ряд интересных экспонатов, копий старых фотографий, алебарды, керамика, но этот отдел находится непосредственно в ведении директора Дома пионеров Карчевского Г. А., который все время и проводит в нем работу, так же как и в отделе экономики.

ЧТО ДАЕТ РЕБЯТАМ КРУЖОК

За 10 лет в краеведческом кружке занималось (состояло членами) 820 школьников. Из них многие ребята были в кружке по 3—8 лет. Окончив школу, они разъехались в разные уголки, стали людьми самых различных профессий. Витя Берман — геолог, Вася Евстафьев — инженер-нефтяник, Лева Виноградов — физик, Валерий Лузгин — археолог, Эля Кряжева скоро станет преподавателем биологии, Ия Пылаева — печатница типографии, Соня Щербакова — рабочая-газосварщица. Не так уж важно какую профессию они избрали, но отрадно было узнать, что они сохранили любовь и бережное отношение к природе, страсть к путешествиям и знаниям. Я интересовался, расширяется ли круг книг, читаемых членами краеведческого кружка. В читательских формулярах многих краеведов появились названия книг по геологии, зоологии, ботанике, истории, о научных путешествиях.

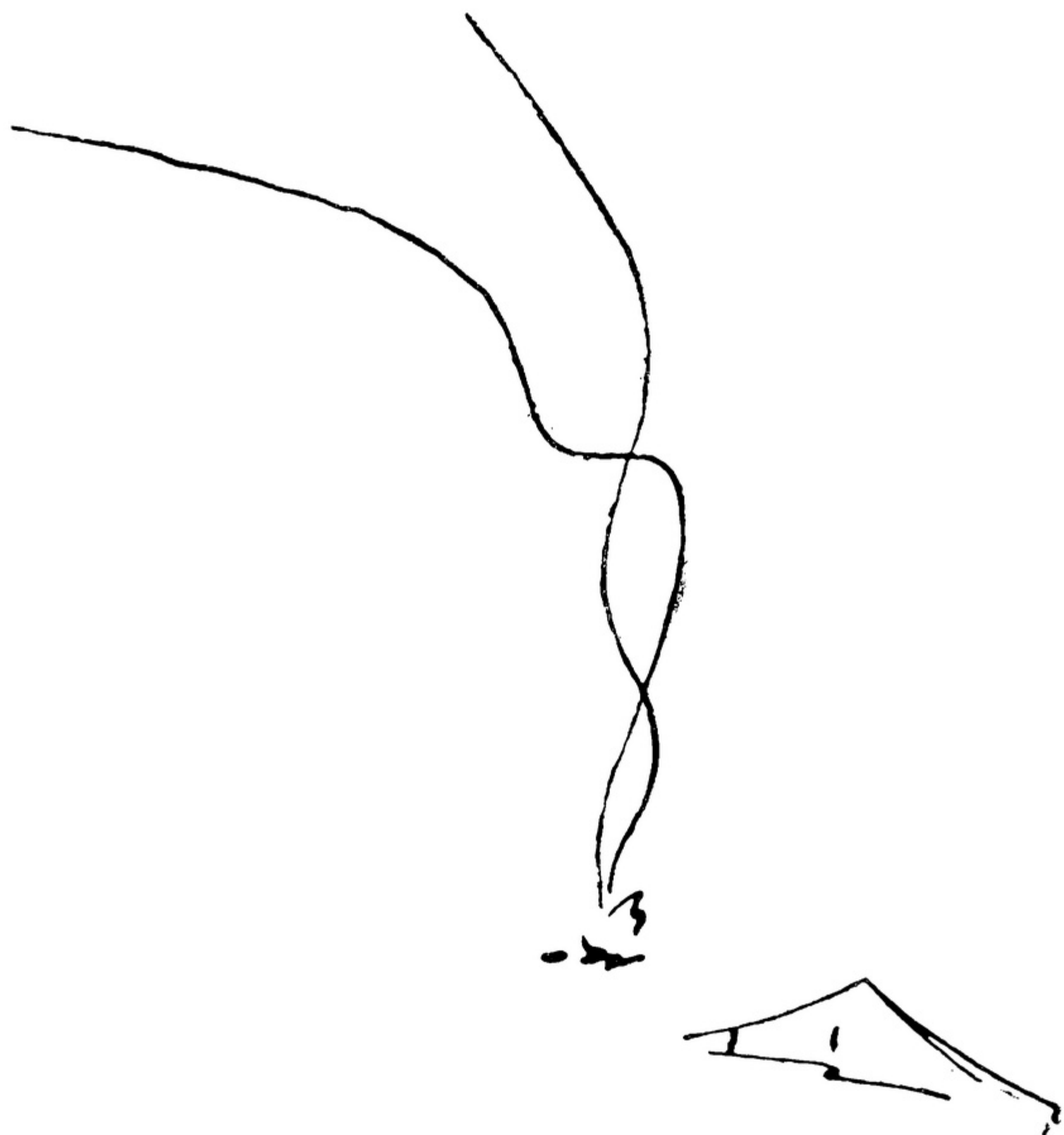
Начав с небольших экскурсий по окрестностям Ухты, бывшие краеведы, теперь уже взрослые, в свое отпускное время совершают туристические поездки по Кавказу, Крыму, Средней Азии, Дальнему Востоку, Карельскому перешейку.

Самое плохое, когда человек равнодушен к окружающему его миру, а в кружке ребята постепенно приучались к тому, что вокруг нас все интересно и многое неизведано. Даже такие простые вещи, как камни, песок и глина, по которым ежедневно ходят, это не только минералы и породы, а и своеобразная «книга природы», в которой записана история нашей планеты. Очень полезным оказалось также то, что в результате работы кружка был организован при Доме пионеров школьный краеведческий музей. За последние 5 лет в нем побывало 160 организованных экскурсий

(с 4638 участниками) и очень много одиночек (только за один год музей посетило 685 человек).

Некоторые краеведы, занимающиеся в кружке давно, сами стали проводить экскурсии по музею с учениками младших классов. По нескольку таких экскурсий провели Валя Жукова, Игорь Нестеренко, Ким Валерик и Эрик Фазекаш.

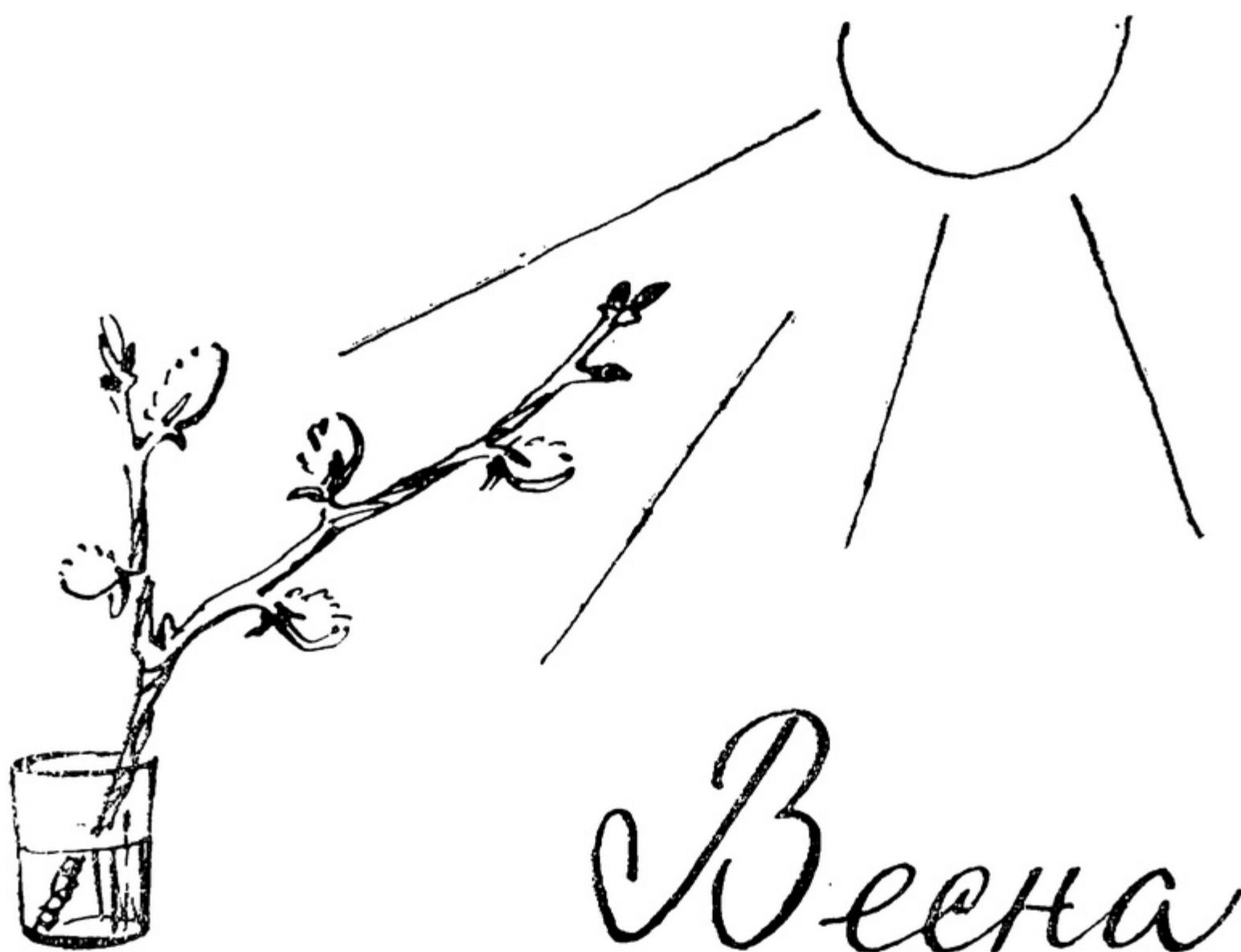
Надо добиться того, чтобы музей не был просто собранием чучел, монет, камней и фотографий, а служил основному своему назначению — углублял и развивал знания о родном крае, воспитывал интерес и пытливое отношение к окружающему миру, знакомил с трудом и с самими людьми, жившими и живущими в наших местах. Потому что никогда нельзя забывать и о человеке, исследователе и создателе всех наших достояний.

В поход
за экспонатами

С каждым годом ребята совершали походы все дальше и дальше. Если в 1951 году расстояние в 17 км — маршрут от г. Ухты до пионерского лагеря — было целым событием, то в 1960 году путешествие по рекам Сойве, Мылве и Печоре общей протяженностью около 400 километров в оба конца уже никого не удивляло. Краеведческий кружок с каждым годом накапливал инвентарь, приобретал опыт.

Всего на 1 января 1961 года кружок провел 485 походов и экскурсий по родному краю. В них приняло участие 4149 ребят. О некоторых, наиболее интересных путешествиях и рассказывается ниже.

НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ СВЕТА

8 февраля 1959 года, когда несколько ослабли морозы, а день уже, как говорят в народе, «прибавился на воробьиный шаг», мы снова отправились в окрестности нашего города. Протяженность нашего маршрута была около двадцати километров и проходил он по довольно разнообразной местности. Перед ребятами стояла задача — познакомиться с жизнью леса в пору ранней весны, собрать зимующие коконы и галлы насекомых с лиственных деревьев.

Ветер дул в спину и совсем не мешал движению. Цепочка краеведов спустилась на лед реки Ухты, покрытый толстым слоем снега. В одном месте он был расчищен; под защитой еловых лап темнела рыбацкая лунка.

Мы свернули с лыжни на целину, поднялись на крутой берег и вышли на опушку леса. Хотя снегу в лесу было много, над его поверхностью тут и там виднелись вершинки травянистых растений, ветки кустов. Володя Попов, Саша Лягин, Саша Солоцкий и Женя Гарбуз устроили соревнование — кто больше узнает среди них старых знакомых? Это не так просто. Летом у растительности один вид, зимою — другой. Некоторые растения изменились мало. Например, зонтики борщевиков из сочных и зеленых стали сухими белыми. А что это черное скрючилось над снегом? Во все стороны торчат веточки — не веточки, стручки — не стручки, а из них белый пух...

— Иван-чай! — закричал Володя Попов, — признал все-таки старого знакомого.

Совсем сморщенными, побуревшими стоят стебли крапивы, лабазника, а погремок вовсе не изменил своей формы и вида, по-прежнему в «кармашках» его сухих цветов «гремят» семена. Отсюда и название — «погремок».

Мятлик, вейник, овсяница, ежа, ярутка, пастушья сумка, а дальше на торфяном болотце — багульник, кассандра, голубика, карликовая береза — только узнавай!

Медленно по холмам забираемся все выше и выше к самому дальнему и высокому хребту. Взошли на гребень. Тут ветерок стал весьма чувствительным, хотя мы и разогрелись в пути. Белой пылью клубилась поземка, гнулись и трепетали пучки травы, так до сих пор и не засыпанной снегом — ветер его сдувал в лощину.

Вошли в лес. Стало совсем тихо. Зато снег сделался очень рыхлым. Мы-то еще на лыжах ничего, а наша собака то и дело проваливалась в снег по уши и, тяжело дыша и жалобно повизгивая, «плыла» в снежной массе.

— Видите, ребята, почему здесь не видно следов зверей? Зимой они тоже стараются больше по утоптаным тро-

пинкам и дорогам бегать. Долго так, как наш пес, не «поплаваешь».

Начали спускаться в долину. Сюда проникал ветер, снег сделался поплотнее и кое-где стали появляться следы: сначала одинарные цепочки лисьих, затем двойные — мышей и полевок, наконец, дырки заячьих и даже рысий след.

На дне долины встретились места заячьих пиров — обгрызенные ольхи и осинки. Снегу там навалило до самых нижних ветвей, и зайцы свободно доставали ветки.

В ольховнике ребята нашли много грибов-трутовиков. Маленькие трутовики отлетали от пней и стволов легко, но нам попался гриб диаметром сантиметров тридцать. Мальчики начали сбивать его топориком — сидит. Подъехал Володя Попов, повис на нем с лыжами вместе — сидит. К Володе подвесился Федя Фрейман, к Феде — Игорь Нестеренко, а гриб ни с места! Тут я сам не утерпел — присоединился к ребятам: гриб не шелохнулся. Остальным краеведам уже некуда было прицепиться, поэтому мы так и оставили его в покое.

Первым «открывателем» зимующих насекомых стал Володя Лахтионов. На ивовой ветке увидел он корявый нарост — галл. Это убежище перепончатокрылых насекомых — пилильщиков и орехотворок, личинки которых жили в нем и питались, а теперь окуклились. Петя Семенов обнаружил другую иву с ветками, почти сплошь покрытыми галлами. Мальчики набрали их по несколько десятков, чтобы дома понаблюдать за выходом насекомых. Это особенно интересно потому, что из галлов выводятся не только враги, но и друзья ивы, тоже перепончатокрылые насекомые — наездники, паразиты пилильщиков и орехотворок. Изредка выходят и сверхпаразиты, тоже наездники, паразитирующие в личинках паразитов пилильщиков.

Саша Иванов заметил на березе плотный коричневый кокон. Такие же коконы нашли и Боря Матвеев с Женей Бирюковым. Они принадлежали крупным березовым пилильщикам-трихиозомам. Нашли еще и другие галлы орехотворок, имеющие вид «розочек» на концах ивовых ветвей.

Потом наткнулись на шалаш из тонких бревен. Устроили привал. Очистили площадку от снега, развели из сушняка костер, скипятили чай, поджарили хлеб с колбасой, напекли картошки. И за обедом незаметно пролетел час.

На обратном пути встретили интересное явление. По дну канавы тихо струился ручеек, обрамленный снежным карнизом. И это в то время, когда на реке Ухте замерз даже бурный пережат Ыджыд. А ручеек течет. Наверное в составе его воды были какие-нибудь вещества, мешавшие воде замерзнуть — там и тут на дне колыхались красноватые и рыжие хлопья.

Из-за этого ручья пришлось снимать лыжи и прыгать через него, ведь не мочить же ноги!

РАННЕЙ ВЕСНОЙ

14 апреля по всей стране намечалось провести поход «Навстречу весне». Центральная детская экскурсионно-туристическая станция разослала по всем школам и Домам пионеров программы наблюдений.

За неделю до начала похода краеведы распределили обязанности. Записи погоды взял на себя Володя Филиппов, только на днях вычертивший для кружка таблицы метеорологических явлений, высоту снежного покрова, давление, температуру, долготу дня и ночи. Егоров и Дрягин решили наблюдать за животным миром, Геля Сметанин — за растительным, а Вася Панюков и Шура Морозов за тем, что происходит на полях и на реках. Не остались без задания и другие, вопросов было много, заданий хватило всем.

День 14 апреля 1957 года выдался яркий и солнечный. Предполагалось отправиться в путь сначала на машине, а затем восемь километров пройти пешком, но наш автобус испортился, и мы решили проделать маршрут в обратном порядке — пойти 8 километров пешком и возвратиться на городском автобусе.

Лыж ни у кого не было, но идти по дорогам никому не хотелось. Попробовали по насту. Вроде неплохо, хотя наряду с прочными участками встречались и такие, что приходилось выбирать ползком. От Дома пионеров отошли недалеко, а уже нашлись объекты для записей. Пролетели птицы, на полях виднеются горки удобрений, вывезенные совхозом, поближе — торф, присыпанный чем-то зеленым. Позже ребята узнали, что это суперфосфат.

Подошли к реке. Никакой подготовки к навигации пока незаметно. Баржи и лодки спокойно лежат на берегу и у стен домов. Лед еще покрыт толстым слоем снега.

Вдали у леса Миша Красиков заметил группу ребят. Навели полевой бинокль.

— Да это с четвертой школы! Тоже вышли в поход на встречу весне, — сказал Женя Романов.

И, перейдя на правый берег реки Ухты, мы пошли к лесу. Отметили еще одно явление в природе — первую распустившуюся вербу, которую нашел Вася Панюков. Вдруг торжествующий и испуганный крик:

— Волк!!!

Конечно, все побежали... к Володе Филиппову, а где же волк? Нигде не видно.

— Да куда вы смотрите?! Здесь волк шел, вот его следы!

Действительно дорогу пересекала цепочка волчьих следов, уходившая в заросли ивняка.

— Почему, Володя, ты думаешь, что это волк? Может быть просто крупная собака?

— Что вы, собака! Смотрите, следы большие и ставил он ноги осторожно, каждый след глубоко отпечатался, шел он не один, в этом следу заметен еще один след, значит, за ним шел второй волк.

— Молодец, Володя. Что же еще можно рассказать по следам? Куда, например, волк направлялся? И когда он тут побывал?

Здесь мнения следопытов разошлись. Одни говорили, что волк был давно, другие, что вчера или сегодня, но все сошлись на предположении, что скорее всего он интересовался собаками, бегающими без привязи возле совхоза.

— Так когда же все-таки волк был тут? Кто помнит, какая вчера стояла погода?

— Метель.

— Верно, а после ее осталась хорошая пороша. Значит...

— Волк бродил сегодня утром!

— Верно. Теперь посмотрим, куда ведут его следы.

Следы волка далеко не шли. Метров через двести они внезапно оборвались. Видно было, что волк постоял и осторожно вернулся назад, почти совсем точно ступая в свой же собственный след. Это окончательно убедило ребят, что здесь был волк. Собака так делать никогда не станет, ни к чему ей такие повадки.

Забегая вперед, хочу сказать, что в феврале 1960 года неподалеку от этих мест был застрелен крупный матерый волк.

От ивовых зарослей мы двинулись прямо к лесу, через гороховое поле. Тут нам попадались вереницы следов лисиц, собак, мышей, горностая и даже беличьи, хотя непонятно было, зачем белка так далеко уходила от леса. В остатке стога гороховой соломы Геля Сметанин отыскал гнездо полевок. Мы взяли его для краеведческого кабинета.

Время близилось к двенадцати, идти было хорошо, снег

почти не таял, и наст легко выдерживал тяжесть путешественников. Миша Красиков сделал еще одно открытие — на пне кто-то вырезал голову девушки. Деревянная скульптура нам понравилась, но, к сожалению, она была явно современной.

От опушки леса мы снова повернули к реке. По пути, в ложбине ручья, совсем занесенной снегами, увидели следы белых куропаток с характерными прочерками крыльев, крестики следов вороны и пробежку зайца-беляка.

Выйдя к обрыву, наш фотограф Вася Залесский постоял немного на снежном надуве и вдруг исчез. Оказалось, что он провалился в ледяной грот. Забрались туда и другие ребята. Еще бы, увидеть пещеру под снегом со сталактитами и сталагмитами из льда, сверкавшими от проникших в проломы лучей солнца...

Нехотя уходили мы от грота, но день близился к концу. Вдали виднелись постройки Сангородка, конечного этапа пути.

Уже перед самым домом мы встретились еще с одной весточкой весны: спугнули стайку полярных воробьев — пуночек.

КОГДА СХОДЯТ СНЕГА...

Весна 1958 года не очень спешила, хотя в половине апреля снег на открытых местах сошел, но в лесу он еще держался. 13 апреля мы вышли на экскурсию в лес.

День был не пасмурный, но и не солнечный. Прохожие на улицах с интересом разглядывали наш отряд, увешанный биноклями, фотоаппаратами, ботанизирками.

Лед на реке Ухте уже потемнел и покрылся многочисленными мелкими лужицами воды, но был еще прочным, только у противоположного берега бурлила неширокая промоина, которую можно было легко перепрыгнуть.

Стали подниматься на холм. У подножия его снег совсем растаял, и землю покрывал тонкий слой коричневатой сырой почвы. Чем выше, тем ближе подходил к дороге снег, пока, наконец, неподалеку от вершины он не скрыл все полуметровым покровом. Полоса сплошного снега тянулась всего лишь метров двести, а там опять открывалась талая земля. Кто полегче — проходил свободно, большинство же проваливалось по пояс. Преодолели снег — посидели, позавтракали, отдохнули.

Совсем близко уже было до соснового леса и вырубки, где мы собрались поискать весенних насекомых. Особенно долго искать их не пришлось. В лесу на каждой проталине можно было встретить различных членистоногих. Как только освобождалась от снега какая-либо поверхность, на ней сразу же пробуждалась жизнь. Вокруг некоторых муравейников лежал еще глубокий снег, но на них кишели краснокожие обитатели. Одни из них, видимо, только что проснулись, лениво ползали, потягиваясь и шевеля усиками (ребята уверяли, что некоторые муравьи даже зевали). Другие хлопотливо очищали свою постройку от зимнего мусора, ремонтировали входы.

Мы проходили через осинник, и вдруг среди опавшей листвы сверкнуло что-то изумрудно-зеленое. Оказалось, что это клоп-щитник цитрона. Поймав его, мы увидели другого клопа — черного земляного щитника. Когда к полудню стало пригревать солнце, над проталинами и снегом появились красные клопики-рубинкундусы. Они были очень проворными и при нашем приближении сразу взлетали.

Большие рыжие наездники-офионы, наоборот, летали сравнительно медленно. Офионы-паразиты различных бабочек, их у нас несколько видов, встречаются и ранней весной, и поздней осенью.

Большую радость у ребят вызвала и первая весенняя дневная бабочка — малиница. Верх у нее черный, а низ —

зеленый с белыми пятнышками. Сядет на бруснику или ветку ели, замрет и не сразу ее увидишь.

— Кирилл Федорович, объясните, пожалуйста,— попросила вдруг Светлана Пронкина,— как это так, ветра нет, а листья летают?! Да еще с земли!

— Где?

— Вот только что улетел...

— Ты, Света, что-то фантазируешь.

— Честное слово, улетел. Ой, вот, вот, там! Опять поднимается!

Действительно, первое впечатление было, что это взлетел старый пожелтелый и поблекший лист, но я уже знал, что это такое.

— Ребята, идите сюда, скорее, смотрите, какие здесь интересные бабочки! Видите, очень похожи на листья, когда сидят, и я не знаю еще ни одного человека, кто бы смог их заметить раньше, чем они сами взлетят. Называются они эпирантис диверзата из семейства пядениц. Кто попробует найти их до взлета?

Ни одному из шестнадцати краеведов это не удалось. Бабочек взлетело около трех десятков, почти все прямо из-под ног, но ни одной никто не заметил на земле.

Спугнули и несколько других пядениц — брефосов. Окраска их передних крыльев также покровительственная, а задних — пугающая — резкие красные полосы с черным. Пока она сидит, задних крыльев не видно, при взлете же резко «бьет» в глаза красный цвет, мелькает мысль, что это такое, а бабочки уже нет!

Леня Бигменко, Вера Ильякова и Валя Жукова стали отдирать кору с толстого пня лиственницы. Среди хвоинок, трухи, копошилась плоская желтая личинка, свирепо сдвигавшая и раздвигавшая челюсти.

— Ой, она кусается!

— Что вы! Только пугает. Из нее со временем должен выйти уже знакомый вам жук-щелкун.

Леня Бигменко нашел еще три коричневые голые гусеницы бабочки-совки. Посадили их в спичечную коробочку, чтобы потом дома получить из них куколок и бабочек.

Почти все ребята добыли насекомых. Валерик Касаткин обнаружил погадку совы, в которой виднелись кости и черепа мышей. Валя Федорова и Валя Дятлова нашли черного паука, Люся Канева — желтеньких и красненьких подкоровых клещиков, Таня Политова — раковинки сухопутных моллюсков, а Таня Ерастова — красивое птичье гнездо.

Муравейники были найдены не только отдельными постройками, но и под корой некоторых пней. В пнях обитали разные муравьи: и большие красногрудые муравьи-древоточцы, и обычные рыжие лесные муравьи, и черные садовые муравьи-лазиусы, и мелкие желтые и оранжевые мирмики. Изредка среди муравьев встречались их «квартиранты» — жучки-хищники — атемелесы, динарды и ломехузы, очень походящие на «хозяев» формой тела и манерой держаться. А когда мы просеяли часть муравейника через энтомологическое сито, то обнаружили еще несколько видов тонких черных жучков, также из семейства хищников, много чьих-то синих и желтых личинок и клопов да маленьких желтеньких клопиков-ксилокорисов.

Появилась жизнь и на песчаных пригорках. Кое-где начали копать норки самки пчел-андрен и галитков. Прыгали серые и черные кобылочки тетиксы, единственные среди наших прямокрылых, зимующих во взрослом состоянии.

Еще не было цветов и листвы, но уже пробивались сквозь слой прелых прошлогодних листьев тугие проростки перезимовавших растений. Жизнь вступала в свои права.

ПО МАЛЫМ РЕКАМ

Осматривая наш краеведческий музей, посетители не подозревают, сколько интересных историй связано со всеми экспонатами. Вот, например, как появились стрекозы-красотки и камыш. Синие (самцы) и желтые (самки) стрекозы-красотки не являются редкостью в средней полосе СССР, но на севере у нас они до недавнего времени не были известны.

13 июля 1952 года мы организовали поход пионеров на реку Седью, которая находится в тридцати километрах от города Ухты. Седью очень красивая река, течет среди холмов и скал, то расступающихся и открывающих долины с высскими травами, то снова сближающихся, и тогда спокойное течение реки постепенно ускоряется и вода с ревом смывает все на своем пути.

Богат и разнообразен там животный и растительный мир. Над цветами порхают яркие дневные бабочки, жужжа пролетают грузные шмели, на соцветиях зонтичных сидят полосатые и пятнистые мухи — сирфиды, напоминающие по окраске ос, и зеленые жуки-усачи. Высоко в небе, соперничая с птицами, носятся стрекозы-коромысла.

Из кустов выскочил бурундук. Ребята стали его ловить, но маленький зверек убежал. Он оказался проворнее сорока трех школьников.

Разделившись на группы, ребята стали исследовать окрестность. Собрали растения, насекомых, окаменелости, лазали в пещеры, купались, набивали рты душистой спелой земляникой. Тут не обошлись без печального приключения. Один из мальчиков увидел щель, куда скользнуло какое-то насекомое. Долго не думая, он сунул в это отверстие прутик, и оттуда, раздраженно жужжа, полезли земляные осы. Бедный Вася понял, что этого нельзя было делать... Несколько позже, при взгляде на его распухшее от укусов лицо, трудно было удержаться от смеха. Впрочем, когда первая боль и испуг прошли и он поглядел в зеркало, то смеялся тоже наравне с другими.

Как ни длинен летний день, пришел и ему конец. Загудел на шоссе шофер нашего автобуса. Стоило еще раз побывать здесь и пройти по реке подальше.

Конечно, в такую экспедицию захотели отправиться все, но маршрут предполагался трудный, и поэтому мы решили взять только троих. Выбор пал на Юру Прокушева, Юру Малафеева и Ильюшу Большакова, который, кстати, имел очень маленький рост.

Подготовили снаряжение, продовольствие и вечером 19 июля, окруженные вздыхающими краеводами, мы были уже на автобусной остановке.

Час пути прошел незаметно, и вот уже знакомый перекресток дорог. Автобус ушел. Мы остались одни с теплой

вечерней тишиней. Вправо и влево до горизонта тянулись поля совхоза, впереди темнела полоса леса, и к ней тянулась наша дорога с обочинами, заросшими ровными густыми шпалерами иван-чая. В лучах заходящего солнца цветы его горели розовым светом, бросая отблеск на старый поселок.

Пала роса, когда мы свернули к пещерам на берегу реки Седью, где хотели провести ночь. Добрались до них совершенно мокрые, так как пришлось пробираться сквозь заросли березок, тоже обильно смоченных росой. Вот и пещера. Мы с Большаковым стали готовить ночлег, разводить костер, а оба Юры спустились к реке за водой и рыбой. Но рыба на уху попадаться не захотела, и мы ограничились взятой с собою провизией.

После ужина спать еще не хотелось, и мы решили обследовать нашу пещеру. Вход в нее был высокий и широкий, но почти сразу же она переходила в узкий проход, по которому нам пришлось ползти на четвереньках. Стало сыро. С потолка капала вода. Лучи электрических фонариков выхватывали из темноты влажные стены с блестящими на них каплями. Раньше пещера расширялась и можно было идти во весь рост, но через несколько метров снова начались низкие и узкие рукава-отнорки. Своды пещеры рассекали трещины. С гулким стуком обвалился камень. Здесь явно никто не бывал, да и кому захочется жить в такой сырости? Первобытные люди, наверное, искали более уютных пещер, да и звери тоже.

Спать улеглись в предверии пещеры, завесив вход плащ-палаткой. Ребята улеглись, а я посидел еще немного у входа. От реки поднимался туман, смешиваясь с синеватым дымком угасавшего костра. Угли подернулись пеплом. Какой-то любопытный зверек выскочил из травы, посидел секунду на задних лапках и удрал. Еще кто-то пищал и бежал в камнях. В лицо пахнуло холодом. Вдруг совсем близ-

ко затрепетала крыльями сова. Я шевельнулся, и она улетела. Несколько раз мелькали черные зигзаги летучих мышей.

Поднялись рано: в три часа. Но солнце уже опередило нас, и лучи его весело пробивались сквозь искрящийся туман. Когда мы, позевывая, спустились к реке, в лесу уже звенели голоса птиц. Быстро умылись, позавтракали и тронулись в путь. План наш был таков: пройти до конечной точки предыдущего маршрута (там как раз имелся большой перекат), потом построить плот, спуститься по Седью до впадения ее в Ижму, по Ижме доплыть до реки Ухты, а оттуда пешком или по тракту на автомашине домой.

По утреннему холодку идти было очень приятно. Роса сверкала на траве, ветках кустов и тенетах пауков-крестовиков, развесивших свои сети чуть ли не на каждой прогалине. Миновали полуразвалившуюся охотничью избушку, в которую заходили прошлый раз. Впереди — море девственного леса! Ни жилья, ни дымка, ни голоса.

Терраса реки, сложенная ровными широкими плитами известняков, внезапно оборвалась. Ветви деревьев спускались прямо к воде. По верху не пройдешь, заросли очень густые. Полезли в воду. Вброд перешли на другой берег. Быстрое течение валило с ног, сбило Ильюшу Большакова. Юра Прокушев едва успел схватить его за ворот. Еще полкилометра пути — новый переход, потом еще один, и пошло это бесконечное «мотание» с одного берега на другой по перекатам.

Наконец, течение стало ровнее, вдоль берега спять появилась проходимая полоса земли. Устроили привал, а когда пошли за сучьями...

— Ура! Кирилл Федорович, сухое дерево!

Из трех бревен сбили плот захваченными из дома скобами, покрыли его ветками и сложили на него все наше имущество. И хотя кроме снаряжения плот выдерживал

только одного из нас, зато остальные шли налегке с сачками в руках, ботанизирками, планшетами и неразлучным «Зорким» через плечо. Вот здесь-то стали встречаться нам синие и желтые стрекозы-красотки и камыш. До этого похода мы нигде не встречали столько камыша. На других реках Ухтинского района он встречается, но жалкими стебельками или куртинками. Здесь же камыш тянулся сплошными лентами вдоль обоих берегов, окаймляя многочисленные острова, а на мелководье образуя отдельные островки.

Лес то подступал к самой воде, низко склоняя подмытые деревья, то отступал на значительное расстояние, и тогда пойменный луг пестрел цветами. Среди них мы узнавали белые шапки борщевиков, синие кисти вероник длиннолистных, красные головки клеверов, оранжевые соцветия пижмы, звездочки золотой розги.

Под самодельным парусом по р. Ухте

Кое-где опять выходили плиты известняков, на которых встречались уже другие растения — кустики дикого лука с розовыми цветками, горький истод, по самой поверхности камней стлалась богородская травка или тимьян.

Через два-три километра плывший на плоту причаливал к берегу и менялся с кем-нибудь, а потом на перекате мы встретили второй плот, выдерживавший сразу троих, и поплыли уже все на двух «судах».

И во время плавания мы могли собирать гербарии и наблюдать за жизнью подводных лугов. На небольших глубинах тянулись стебли и листья рдестов, ежеголовок, перистолистников, хары.

В три часа дня устроили большой привал. Сварили на костре обед, поели, отдохнули и двинулись дальше. Участились перекаты. Одно из бревен первого плота имело снизу корень, и благодаря этому на перекатах плот становился «на якорь». При одной такой остановке, когда, бродя по воде, мы проталкивали плот вперед, я не успел своевременно вскочить на него и ребята уплыли, зато огорчение вдруг сменилось радостью — под босой ногой нашелся кусок пирита с крупными кристаллами.

От долгого пребывания в воде плоты стали намокать и оседать под нашей тяжестью все глубже и глубже. Так что мы переходили из надводного к полуподводному плаванию — тонкий слой воды, потом уже и по щиколотку, постоянно держался над плотом. Пришлось дополнять плоты новыми сухими бревнами.

А впереди новое приключение. Замечтались и на одном перекате увидели, что нас несет на черный камень, окруженный шапкой белой пены. Сворачивать было поздно. Вцепились в плот. Удар... Плот раскололся, развернулся и поплыл дальше. Все целы, но в воду упали «сидор» с продовольствием и ножевка. Доставать бесполезно, так как течение быстрое и место глубокое. Теперь, с потерей продо-

вольствия, гораздо целесообразнее казалось продолжать путь без ночлега.

К шести часам вечера мы выплыли в реку Ижму. Вдоль Ижмы решили идти пешком. Быстро уложили рюкзаки и обнаружили в одном из них несколько сухарей. Хотели немножко посидеть и закусить, но на нас тучей налетели комары. Все сразу позабылось: и красоты природы, и желание пообедать, и усталость. Мы рысцой побежали вдоль берега, спотыкаясь и скользя по сырой глине. Одним духом отмахали километров пять. Тут лес стал пореже, потянулись луга, места стали посуше и звенящая комариная стая немножко поредела. А может быть мы просто слегка привыкли к их укусам.

Вышли на тропинку. Разделили и съели последние сухари. Хотя и груз был не очень тяжел, идти становилось труднее. С реки донеслось тарахтенье мотора. Обдираясь с ветки шиповника, мы скатились вниз с крутого песчаного склона. Закричали. Лодка, полная людей, остановилась было, но снова двинулась дальше.

К счастью нам скоро повстречался лесник на лошади, указавший кратчайший путь через лес. Месяц плыл по бледному небу, и опять лежала густая роса и в низинах стлался туман. Когда мы вышли к деревне Пожне, за околлицей еще гуляла молодежь, пиликала гармонь и звенели частушки. Здесь уже были и продукты, и от деревни на Ухту ходил автобус.

В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ СЕДЬЮ

Итак, 22 километра от тракта Ухта — Троицко-Печорск вниз по реке Седью были пройдены. А что примечательного в ее верховьях? Нам хотелось побывать и там, но только через четыре года, в июле 1956 года, удалось осуществить этот план.

Что скрывают верховья Седью? Может быть там за зеленой стеной тайги таятся никому еще не известные запасы полезных ископаемых? Может быть где-нибудь среди синих, синих глин бьют ключи с целебной водой, а над лугами планирует мечта энтомологов — черный махаон? Охотник-любитель Василий Пальшин сказал нам, что весной недалеко от речки Керана на берегу Седью он встретил скелет оленя, кости которого были уже довольно ветхими. Наши находки костей животных около города и двух пластинок зуба мамонта на Седью давали возможность предположить, что это был скелет не современного, а ископаемого оленя ледникового периода. Возникал новый стимул для прокладки маршрута в верховья.

25 июля на автобусной остановке собралось тринадцать человек: десять краеведов и трое девушек-палеонтологов из Москвы, присоединившихся к нашей экспедиции и имевших намерение собрать на берегах Седью и Керана брахиопод (раковины древних ископаемых животных).

Ровно гудел автобусный мотор, ехать было весело, пели песни, смеялись, казалось, не пройдет и часа, как мы тронемся в край «непуганных птиц и зверей», но... Ох, уж эта злополучная частица «но», так часто мешавшая путешественникам!

В верховья мы собирались плыть на моторной лодке, но оказалось, что из двух совхозных моторок одна безнадежно сломалась, а вторая ушла в низовья. Солнце уже не улыбалось, а довольно чувствительно жгло наши головы и плечи, пот катился градом. Наконец, после долгих исканий нам удалось найти небольшую лодку-душегубку. Она-ряжение она свободно выдерживала, и двое ребят повели ее на бичеве (третий в лодке правил, а остальные налегке пошли пешком).

Вскоре только гудок лесопилки, да пролетающий изредка самолет напоминали нам об обжитом мире. Все ближе

и теснее подходила к реке тайга, и вскоре она «вытеснила» ребят на узкую прибрежную полосу. Полоса эта образовалась вследствие обмеления Седью.

Несколько раз мальчики пытались исследовать лес, но безрезультатно. По приречной тайге очень трудно было ходить. Среди мрачных елей, густо обросших лишайниками, вкривь и вкось лежали деревья, поверженные когда-то бурей. Бурелом переплетен ветвями смородины, малины, шиповника, ивы. Ноги скользят, того и гляди попадешь в щель между стволов, как в капкан. Дернешься — вот тебе вывих, а то и перелом. А там, где земля была свободна от кустов и деревьев, оказалась пузырящаяся топь, прикрытая сверху нежным ковром листовых мхов. Полутемно и тихо было в этом лесу. Почти ни одного птичьего голоса, ни одной яркой бабочки, а если и встречались иногда бабочки-пяденицы, то с серо-коричневыми крылышками, под стать окружающему их мрачному безмолвию.

Когда вышли на светлый речной берег, невольно вздохнули облегченно.

На реке стало попадаться больше островков, заводей, где покоились на темной воде широкие листья желтой кубышки (кстати, кубышка в Ухтинском районе тоже не частое растение, а в верховьях Седью оно встречается чаще, чем в других местах). Лодку можно было вести уже лишь с трудом, к тому же она начала протекать, и попытки заделать щели не привели к положительному результату. Пришлось оставить плоскодонку в прибрежных зарослях и дальше все уже нести на себе.

Через несколько километров тайга отступила от берега, и потянулись высокотравные луга. Часть их уже была скошена, и то тут, то там стояли готовые копенки.

На ночлег остановились в 10 часов вечера, одолев за первый день похода 15 километров. Место выбрали хорошее — сухой бор-беломошник, чистый, просторный, с очень

небольшим количеством бурелома, однако вполне достаточным для костра. Вокруг стоянки ребята собрали целое ведро грибов: подосиновиков и подберезовиков, и наш ужин был в значительной мере скрашен свежим ароматным грибным супом.

Утром 26 июля, пока свертывали лагерь, поймали полевку и сделали тушку для музея. Погода стояла по-прежнему хорошая, солнечная. За каждым поворотом реки нам открывались новые и новые пейзажи. Зоологи и ботаники собрали много интересных растений и насекомых: Леня Козинов отыскал жука-усача, очень похожего по внешности на осу (он для Коми АССР еще не был известен), Алик Гридчин встретил поля молочая, Вася Залесский поймал несколько новых цветочных мух.

Через пять километров наш отряд вышел к гипсовому руднику, но основные разработки были на другом берегу, поэтому решили посетить его на обратном пути.

Находка интересует всех

Пошли находки и у геологов и палеонтологов. Окаменелости встречались не часто, зато в большом числе попадались конкреции блестящего пирита. В некоторых местах на каменных известняковых плитах «росли» желваки, что придавало им весьма оригинальный вид.

В два часа дня вблизи рудника и огромного луга с множеством зонтичных и сложноцветных растений мы устроили большой привал. Тут наши коробки и ботанизирки пополнились новыми экспонатами, а в тихой заводии реки Виктор Гридчин заметил полуметровую щуку. Мы попытались поймать ее, но рыба уплыла, плеснув хвостом.

Мы уже привыкли к тому, что на реке мы почти не встречали людей, и нас даже немного удивила неожиданная встреча с рыбаком. В его сумке мы увидели несколько довольно крупных рыб.

К концу дня, после очередного семнадцатикилометрового перехода, мы подошли к поселку Бадь-Ёль, где и расположились на ночлег в двух небольших домиках. В этом поселке жила бригада косцов, заготавливавших сено для пригородных совхозов. Среди них большинство оказалось знакомыми.

Хотя утро 27 июля по-прежнему было теплым и солнечным, по кромке неба уже двигались сизые тучи. Во второй половине дня можно было ожидать грозу. Поэтому нам хотелось выйти как можно раньше, что мы и сделали, оставив в поселке пятерых из нашей группы. Одна из наших спутниц-палеонтологов натерла ногу, и мы оставили с нею четверых наших ребят и все лишнее снаряжение, потому что последний переход предстоял самый большой и трудный.

Оставшиеся получили задания, а мы, восемь человек, двинулись дальше, торопясь до дождя достигнуть реки Керан, конечной точки нашего маршрута. Однако дойти мы не успели. Гром все погромыхивал да погромыхивал, пока,

наконец, около полудня не хлынул такой тропический ливень, что все быстро вымокли. Прятаться было бесполезно, и мы продолжали путь. Ливень длился недолго, зато потом с небольшими перерывами начался затяжной мелкий дождик, причинивший нам гораздо больше неприятностей. По пути на каменистой отмели Борис Иванов нашел очень старый истлевший рог северного оленя. Видимо, это было все, что осталось от скелета, который видел весной охотник Пальшин, так как приметы места совпадали.

Майя Емец и Алик Гридчин наткнулись на множество обломков раковин белемнитов, видимо, где-то недалеко находились выходы пород юрского периода истории Земли.

В 6 часов вечера мы вышли к притоку реки Седью — речке Керану. Переправа заняла немного времени (Керан впадал с другого берега Седью), и мы уже у самого устья Керана встретили огромное кладбище окаменелых брахиопод. Они лежали почти сплошным слоем, и оставалось только выбирать наиболее лучшие и целые. За два часа собрали около 500 раковин. Не очень хотелось уходить, но землянки, в которых хотели ночевать, оказались разрушенными. Было принято решение возвращаться обратно.

Обратный путь к Бадь-Ёлю оказался очень трудным. Бесперывно лил дождь, стекая за ворот. Берег был очень крут, и ноги скользили по глине. Кое-где приходилось совершать обходы по лесу. Это было очень тяжело. В полной темноте, когда идущего впереди не видно, а только слышно чавканье грязи под его ногами, мы пробирались сквозь кусты, перелезали через скользкий и мокрый бурелом, ощупью обошли карстовые провалы в известняках. В такой дождь крохотный ручеек становился трудно преодолимым препятствием, так как он сильно разливался, а истинные его размеры в темноте не были видны. К тому же у каждого за спиной рюкзак с камнями.

Начало светать, когда мы, наконец, подошли к поселку Бадь-Ёль. Конечно, нас никто не ждал так рано, и как мы ни кричали — никто не показался из избушек. Пришлось Борису Иванову и Леве Долгополову раздеваться, переплывать на тот берег и пригонять лодку для переправы остальных.

С трудом проснувшиеся ребята (никак не могли поверить, что мы им не снимся) стали нас устраивать, кормить. Они до дождя успели набрать грибов и ягод, сварили ведро супа и варенье из красной смородины. Варенье было приготовлено по случаю дня рождения участницы похода Вали Вихревой. С наслаждением мы поели, переоделись в сухое и легли спать.

Дождь продолжался до двух часов дня, под его монотонный стук по крыше мы отлично выспались. Можно было думать об обратном пути. Маршрут пройден, коллекции собраны, места разведаны. Бригадир косцов дал нам большую лодку-шнягу, в которой мы и отплыли в три часа пополудни.

Плыть было чудесно, дождь окончательно перестал, временами даже поглядывало солнце. Река тихо несла наше судно, только рулевой удерживал лодку на глубине. Ребята читали, играли в шахматы, перебирали коллекции, узнавали знакомые места. Кое-что изменилось. Ливень наделал много бед. Местами, например, начисто исчезла тропинка, смытая в реку вместе с куском берега. Кое-где появились новые полосы бурелома, новые подмытые деревья нависли над рекой. Поломанные вершины, расщепленные стволы. Возле устья каждого ручейка плавали хлопья пены, и вся вода Седью, и так-то не особенно прозрачная, стала очень мутной и грязной. Полосы камыша и прибрежных осок стояли в воде уже не по «колени», а по самое, «горло», трепеща от набегавших волн.

К вечеру мы добрались до заброшенного рудника. Сделали остановку. Полазили по глыбам гипса, собрали разноцветные (красные, розовые, коричневые, белые) образцы этого минерала и поплыли дальше. Как только сгустились сумерки, появились совы. Одна из них долго сопровождала шнягу, издавая временами жуткие крики, от которых дремавшие ребята испуганно вздрагивали.

К совхозу «Седью» шняга подошла в нежном свете утренней зари 29 июля. Шнягу мы сдали в совхоз и уехали в город Ухту на попутной машине, а на следующий день стали готовиться уже к новому путешествию — на реку Айюву.

ПО РЕКЕ АЙЮВЕ

Побывать на реке Айюве, где по рассказам геологов имелись юрские обнажения, было давней мечтой ухтинских краеведов. Стремление съездить туда особенно усилилось после беседы, которую провел с ребятами в Доме пионеров геолог Илья Исаевич Крупенский, рассказавший о горючих сланцах Айювы, имеющих значение и как топливо, и как удобрение.

2 августа 1956 года мы выехали поездом на станцию Керки. Из окна вагона в придорожной канаве заметили шесть желтых ирисов. До сих пор мы не встречали этого растения.

Станция Керки встретила нас дождем. Бродя по мокрому берегу, ребята поеживались под плащами и робко предлагали, а не уехать ли нам обратно со следующим поездом? Но вот среди гальки появилась полоска синей глины, а на ней лежал... обломанный, сплюснутый, исцарапанный белемнит! И сразу на дождь перестали обращать внимание. Мы нашли множество раковин белемнитов, самых разнообразных форм и размеров. Были тут совсем круглые и плос-

кие с одной стороны, ровные и с желобками, цельные, монолитные и с отверстием внутри, большие, диаметром до 5 сантиметров, и маленькие, с карандашик толщиной, коричневые, полупрозрачные, желтоватые, серые, черные...

На некоторых раковинах имелись натеки и наросты пирита — сернистого железа. Руда эта встречалась и отдельными кусочками и глыбками, блестя тяжелой желтизной металла. А Вася Залесский нашел две крупные, едва умещавшиеся на ладони, ракушки ауцелл.

Тут дождь хлынул с такой силой, что нам пришлось все же укрыться под выступом берега. Это оказался последний приступ непогоды. Через полчаса сквозь продырявившиеся тучи заструились яркие и теплые солнечные лучи, и вскоре уже совсем чистое, голубое небо засверкало над нашими головами.

О возвращении домой теперь уже никто не думал. Мы двинулись вниз по течению реки. Прошли мимо аккуратно огороженного пляжа с надписью «Место для купания» и мостков, тоже с надписью «Место для стирки белья», удивились немного, что даже на далекой таежной станции все устроено так хорошо и культурно. За поворотом реки вступили уже в пределы тайги.

И здесь, как и на реке Седью, росло много зонтичных, но чувствовалось уже дыхание осени, и насекомых на цветах сидело совсем мало — полосатые жуки-восковики, красные жуки-солдатики да несколько обтрепанных бабочек перламутровок и голубянок.

Зато чем дальше, тем больше нам встречалось окаменелостей. О белемнитах и говорить нечего, их стало столько, что мы обращали на них мало внимания, взяли еще только один, раковину которого обвивала трубка морского червя. Чаше встречались раковины ауцелл, массивные раковины аномий, устриц и мелких двустворчатых пластинчатожаберных моллюсков. Изредка встречались и плиточки горю-

чих сланцев, видимо, принесенные откуда-то с верховьев, так как здесь выходов этих пород не замечалось.

Под вечер вдалеке мы увидели высокий холм и направились к нему по низкому песчаному берегу, поросшему ивами. Заросли их, однако, становились все гуще, и вскоре мы потеряли друг друга из виду. Слышалось лишь пыхтение, сопение и треск ветвей. Ивняк состоял из молодых тонких деревцов высотой в 2,5 — 3 метра с узкими листьями, очень плотно росших друг подле друга, что напоминало заросли бамбука. Настроиваясь на романтический лад, мы ожидали, что вот-вот из чащи раздастся громовой рык тигра и мелькнет его полосатая шкура, или, раздраженно хрюкая, высыпет стадо кабанов. Но вместо тигра и кабанов перед нами оказался мелководный залив Айювы (расширенное устье какого-то ручья) с топким илистым дном и порослями хвоща. Перейти его не удалось — ноги вязли в глубоком иле. Пришлось идти назад. Но обойдя этот залив, мы вышли к другому, очень глубокому и с проточной водой. Второй раз повернули назад — вышли к третьему заливу. И долго еще бродили среди ивняка, скрывавшего обширную низменность, изрезанную старицами, протоками, ручьями, канавами, ямами с тухлой зеленой водой, где по полусгнившим старым стволам бегали серые полевки. Вновь заморосил дождик и стало темнеть...

Только сделав большой крюк, мы по холмам обогнули эту низину.

Остановились на ночлег. Разожгли костер, а на палках вокруг него повесили мокрую одежду. Вблизи стоянки росли красные грибы, хорошо заметные даже в сумерках. Они составили неплохое дополнение к ужину.

После ужина все притихли, и к нам в гости стали приходить лесные жители, отпугнутые вначале звонкими ребячьими голосами. Первыми явились комары. Вернее, они нас вообще никогда не покидали, с изумительным постоян-

ством сопровождая во всех походах и меняясь только лишь в количестве. Где-то близко закричали кулики, слышался характерный посвист крыльев уток, испуская унылые вопли, пролетела над рекой какая-то беловатая птица, зашуршали прошлогодней хвоей две шустрые рыженькие полевки, а самым последним «визитером» был огромный филин. Мы заметили его случайно — кто-то поднял голову и увидел эту крупную птицу, совершенно бесшумно кружившую над костром...

Хорошо спалось на теплой золе кострища, а утром, открыв глаза, мы увидели очередных гостей. Совсем низко над нами летал черный коршун. Временами он садился на сучок сосны и, наклонив голову набок, наблюдал — шевелимся мы или нет? Обманутый нашей неподвижностью, он снова тяжело срывался с места и проносился над нами. Скоро появился второй, потом третий. Но осторожные птицы не спускались на землю. Четвертым прилетел красноватый сокол-пустельга. Тут наше терпение истощилось, и мы начали вставать. Птицы сразу улетели прочь, крича обиженно и недовольно.

У подножия песчаного холма, на котором мы ночевали, опять были выходы синей глины и известняков. Там мы нашли черные и коричневые куски окаменелой древесины, тяжелые и массивные, сверкавшие металлическим блеском аммониты, гладкие и ребристые, витые раковинки брюхоногих моллюсков, членики морских лилий, мшанки. Собрав достаточное количество минералов, мы пошли дальше вниз по реке Айюве, и среди последующего большого числа находок исключительно интересной оказалась одна — позвонок юрского ящера ихтиозавра, пролежавший в глине до нашего прихода несколько сотен миллионов лет. Позвонок этот имел 8 сантиметров в диаметре и 4 сантиметра в ширину. Видимо, его владелец был не менее шести-восьми метров в длину.

Встретив брошенные плоты, мы погрузились на них и проплыли километров десять, а потом расстались с рекой и по гатевой лесной дороге вышли на станцию Катыд-Ведь.

В ожидании поезда на Ухту мы слушали рассказы служащих этой небольшой станции о том, что часто по ночам сюда приходят великаны-лоси и нисколько не боятся огней и шума проходящих поездов. Иногда заходят и медведи, а белки и бурундуки — самые обычные гости. В свою очередь мы показали им свои находки и коротко рассказали о геологическом прошлом нашего края. Пригласили также приезжать к нам в Ухту и заходить в краеведческий музей. Расстались большими друзьями.

У СКАЛ И ПЕЩЕР РЕКИ ЧУТЬ

Кому первому пришла в голову мысль побывать там, установить трудно. Пожалуй, сразу нескольким ребятам — и Ларисе Катковой, и Боре Тонконогову, и Эрику Фазекашу. На IV республиканском слете юных туристов и краеведов в городе Сыктывкаре перед ребятами с увлекательным рассказом о палеонтологических и археологических находках в пещерах выступил сотрудник Коми филиала Академии наук Гуслицер. Он показал школьникам экспонаты, найденные в Уньинской и других пещерах нашей республики: клыки и черепа пещерного медведя, сталактиты, а также много фотоснимков. И ребята решили по возвращении со слета провести поход по исследованию пещер вблизи Ухты, а ближайшей точкой, где нам были известны пещеры, оказалось низовье реки Чуть (около тридцати километров от города). Другие пещеры (на реке Седью) располагались несколько дальше и были нами уже обследованы в 1952 году.

И вот уже стоит у крыльца Дома пионеров красный автобус и слышатся веселые голоса:

— Ребята, сколько палаток взяли?

— Три. А где топорики?

— Кажется, Лиза Кустышева несла. Кустышева, есть топоры?

— Есть, есть. Не беспокойтесь, ничего не забудем!

— Как же ничего! Вы, девочки, все время что-нибудь забываете.

— Это мы-то?..

Наготове фоторепортер похода, он же и редактор походной стенгазеты «В краю сибирских лиственниц».

— Внимание! Шире улыбку!

А куда уж там шире! Улыбки, самые широкие, так и цветут на лицах всех двенадцати юных путешественников. Еще бы, впереди целых двое суток вполне самостоятельной жизни без пап и мам, и даже без бабушек, да длинная дорога с приключениями.

Автобус тронулся. Прямо в передние стекла били лучи восходящего солнца. И сейчас же грянула пионерская песня «Взвейтесь кострами, синие ночи». За первой песней другая, третья. Пели про картошку-тошку-тошку, пионеров идеал, про шедшую по долинам и по взгорьям дивизию и много других песен. Пели и все вместе, и мальчики и девочки порознь, а дорога все уходила и уходила вдаль, и казалось не будет конца бегущим мимо лесным просторам. Хмурый пейзаж еловой тайги внезапно разрежала серебристая лента речушки, окаймленная зарослями ольхи и ивы, и снова сомкнулись еловые, сосновые и лиственные леса. А сверху все ярче и беспощадней палило солнце, будто изо всех сил стараясь доказать, что и на севере может быть тепло.

Наконец, показались высокие берега Чути. Автобус остановился у деревянного моста.

Маршрут группы проходил вниз по течению реки Чуть. Можно было идти берегом, можно — верхом, сквозь тайгу.

— Вы как хотели бы, ребята?

— Конечно, сквозь тайгу интереснее,— сказала Тамара Гребнева.

— Сквозь тайгу! Сквозь тайгу!— подхватили дружные голоса.

— Ну что ж идемте верхом, только чур не ныть! Дорогу сами выбрали.

— Есть, не ныть!— отозвалась Лариса Каткова.

Шаг за шагом, пересекая болотце и мелководную старицу Чути, наш отряд начал подниматься в гору. Видимо, сейчас редко кто бывал в этих местах. Тропинки позаросли молодыми березками и сосенками, скрылись в густом переплетении сучьев.

Нелегким был и этот подъем и дальнейший путь по тайге. Ветви цеплялись за рюкзаки и одежду, дорогу преграждали вывороты и бурелом, то и дело не оказывалось знакомых примет, приходилось сверяться с компасом и картой. Но отряд сохранял бодрое настроение, которое толь-

К реке Чуть

ко чуть-чуть снижали слепни и комары, окружавшие наши накомарники тучами. В основном доставалось рукам и ногам, которые мы на каждом привале натирали отпугивающим составом, но без особого успеха.

— И что они, не знают что-ли, что на антикомарин садиться нельзя? — шутили мальчики.

Солнце слегка склонялось к горизонту, когда мы вышли на лесную опушку. Здесь, на большой поляне, виднелось несколько кострищ, а поодаль — шалаш из порыже-лых веток. Видно, не раз уже эта поляна служила местом отдыха путешественников.

Ребята дружно расчистили от палок и камней места для палаток, вырыли погребок, мусорную яму, натаскали дров для костра, воды. После этого дежурный вместе с завхозом составили меню и начали готовить обед, а для остальных был объявлен свободный час. Его ребята использовали для исследовательских целей. Лиза Кустышева, Эрик Фазекаш и Лариса Каткова отправились на луг собирать насекомых. Боря Тсикконогов и Женя Бирюков — ловить рыбу. Саша Иванов заинтересовался растениями, а Володя Крупенский, Федя Фрейман и Валерик Касаткин пошли осматривать ближайшее обнажение известняков и сланцев.

К обеду юные путешественники уже немного ознакомились с окрестностями и собрали небольшую коллекцию. Первый обед получился неудачным, хотя готовили его наши лучшие повара — Тамара Гребнева, Таня Ерастова и Зоя Адамова.

— И что это с вами случилось? — сердились ребята. — Только кисель приличный, а каша мало того, что подгорелая, так еще и сырая, суп тоже так себе... Оставить вас в наказание еще на пару дней на кухне дежурить, пока не научитесь!

— Вы-то, уж, мальчишки, лучше готовите!

— А-то нет! Вспомните, как мы в Белом бору готовили! Девочкам нечего было возразить. Действительно там у мальчиков получались очень хорошие обеды.

После еды, вымыв посуду и оставив у палаток дежурных, краеведы отправились к чутинским пещерам. Перейдя Чуть по мостику из двух стволов огромной березы и сосны, начали подниматься на гору, в которой и находились пещеры. Среди березового леса на склоне росло много спелой земляники. Не пройдешь мимо! Решили полчаса уделить сбору ягод. Не забыли и дежурных — все ребята собрали им по букетику ягод.

Продолжались и зоологические находки. В траве обитали кобылки и кузнечики, то и дело выпархивавшие из-под ног. Большая толстая сиренево-серая пешая кобылка, названная так за отсутствие крыльев, встречалась очень часто. Нередки были и травянки — кобылки зеленого и желтоватого цветов. Серые, красные, черные, коричневые — коники. Кобылочки-тетиксы ромбической формы, крупные болотные кобылки с яркой полоской вдоль крыльев. Все они находили место в спичечных коробках, имевшихся у каждого. Когда вечером на привале мы разбирали добычу, то в некоторых коробках вместе с кобылками вдруг оказывались неприятные на вид толстые серые личинки. Так ребята познакомились с одним из врагов кобылок — личинками мухи-тахины. Они паразитируют внутри тела кобылок и губят их, уменьшая число этих насекомых. Чем же вредны кобылки? Да тем, что поедают травянистые растения.

Кончились отведенные для ягод полчаса. Пошли к пещерам. Их оказалось около десятка, но вход большинства был таким узким, что пролезть туда оказалось невозможно. А в тех пещерах, куда мы проникли, ничего не нашлось привлекательного — лишь немного костей мышевидных грызунов и совиные погадки. К тому же, внимательно осмотрев скалы, ребята установили, что эти пещеры не-

давнего происхождения, образовавшиеся от размыва весенними талыми водами. Помогал, наверное, и мороз, разрывая наполненные водою углубления. Участие, несомненно, принимал и ветер, и солнце. Сделав на прощание несколько снимков, мы повернули обратно к лагерю.

Дежурные, конечно, обрадовались землянике и в свою очередь преподнесли нам подарок — совсем близко от лагеря они отыскивали заросли красной смородины. После ужина, получившегося гораздо удачнее обеда, хотели посидеть у костра, да комары не дали. Налетели такими тучами, что все спрятались в палатки.

На следующее утро раньше всех проснулись девочки. Оказалось, что вчера они недосмотрели и установили свою палатку прямо на дорогу красных лесных муравьев, которые утром, отправляясь по своим делам, довольно чувствительно о себе заявили, и девочки были вынуждены бежать из собственной палатки к костру. Вскоре проснулись и мальчики. Они тоже не досмотрели — в их палатке оторвался край марлевого окошка и туда устремились комары, а с восходом солнца — и мухи.

В низине еще волнами ходил туман и было довольно прохладно, но у ярко запылавшего костра холода не чувствовалось. Закипало уже и ведро с чаем.

В свободное время стали обдумывать заметки и рисунки в стенгазету. Особенно много места в ней занял юмор. Все коллективно написали «Краткий словарь туриста» на все буквы алфавита.

Вот некоторые места оттуда:

А — автобус — мечта туриста, когда он шагает с рюкзаком по лесу.

Б — ботинки — хоть и неживые, но есть тоже просят, особенно к концу похода.

В — ветки — не вполне, но могут заменить постель в тайге.

Д — дорога — чего нет в лесу, того нет!

Ж — жуки — бывают разные, не все в коллекцию годятся.

З — земляника — что и говорить, вкусно, не то, что волчьи ягоды!

И — иголки — нужно брать с собою побольше, в траве скоро не найдешь, а еловые не подходят.

К — каша — после приготовления мальчиками (реже девочками) обычно выбрасывается в кусты. В утешение при этом обычно говорится: «и птиц подкормить не мешает...»

Л — лес — нужно беречь от пожара, о чем не все туристы помнят.

М — мама — как жаль, что ты осталась дома!

Н — небо — лучше безоблачное.

П — палатка — стоит вроде прочно, но после отбоя обрушивается.

Р — река — вполне пригодна для умывания. Говорят, что в некоторых реках водится рыба, годная для ухи. Смистри — «уха».

С — сон — длится ночью не более трех часов, потому что в лесу почти всегда забывают включить паровое отопление.

Т — туман — вещество. Сгущается, рассеивается и следа не остается.

У — уха — суп из рыбы, но бывает только тогда, когда рыба поймана. Водится рыба в реке. Смистри — «река».

Э — эхо — нимфа, лесная богиня, людям показывается только в редких случаях (смотри наши фото).

Я — главное слово у туриста, вернувшегося из похода. Например: Я, мамочка, был в походе. Я тоже спал в палатке; все устали, но я не устал и т. д.

Таня Ерастова написала заметку о походе, Володя Крупенский сделал несколько рисунков. Окончательно газету

закончили уже в краеведческом кружке после возвращения из похода, поместив в ней и фотоснимки нашего путешествия.

После завтрака устроили игру в прятки с условием не уходить дальше пятидесяти шагов. Лес изобиловал укромными уголками, и отыскать спрятавшихся даже на такой небольшой площади оказалось не простым делом.

Просохла роса, можно двигаться в путь. На этот раз мы прошли по самому берегу Чути. И этот маршрут не напоминал асфальтового шоссе. Местами пробирались над водою по узким каменным карнизам лицом к скале. Кое-где проходили сырыми приречными «джунглями», зарослями ольхи, ивы, черемухи, осоки, образовавшими густые заросли над топкой почвой. Потом пошли луга с высокой травой, скрывавшей ребят с головою. Особенно высокими были зонтичные — сибирские борщевики — до двух с половиною метров высоты. Одного широкого листа этого растения хватало на шапку или зонтик, и ребята походили в этом уборе на сказочных гномов.

Не хотелось уезжать, но впереди нас ждали новые походы, еще более продолжительные и интересные.

К ЧУТИ НА БАЙДАРКАХ

Весной 1956 года ученые Коми филиала Академии наук обратились к нашим краоведам с просьбой провести поход по реке Чуть и выяснить ее пригодность для судоходства, узнать строение берегов, наличие полезных ископаемых, познакомиться с животным и растительным миром.

И вот 18 июля 1956 года группа старших ребят двинулась в путь. К сожалению, в эту экспедицию не всех ребят отпустили родители. Так остались дома лучшие краеведы кружка — Леня Хозяинов, Виктор Гридчин, Валя Вихрева, Юра Федотов. Это сказалось отчасти и на результатах,

потому что каждому были даны определенные задания и весь наш отряд был разделен на геологов, палеонтологов, ботаников, зоологов и гидробиологов по три человека в каждой группе и, кроме них, еще имелись повар, санитар и помощник командира похода. Пришлось буквально на ходу перераспределить обязанности между оставшимися.

Предполагалось подняться вверх по реке Ухте до реки Чуть на двух байдарках, а затем подниматься по последней.

Ровно в пять вечера обе байдарки отчалили от городской запани. Нас еще долго провожали оставшиеся на берегу юннаты, дальше других — велосипедисты. Но вот мы и одни. Вокруг спокойная гладь воды, справа и слева зеленые берега с темно-синими цветами луговой герани,верху — ясное вечернее небо.

Легко и быстро двигались байдарки, однако спокойному плаванию скоро пришел конец. На первой байдарке шло четверо мальчиков, учеников девятых и десятых классов, Лева Долгополов, Борис Иванов, Гена Терентьев и Леня Козинов. На второй — Алик Гридчин, Майя Емец, я и наш рыжий пес «Мальчик», который сначала все порывался выскочить, но потом смирился.

Возясь с собакой, мы отстали от первой байдарки и с удивлением увидели, что ребята там ведут себя странно. Они непонятным образом остановились на середине реки и, хотя усиленно работали веслами, никуда не двигались. Когда мы сами доплыли до этого места, то наоборот, помчались вперед с большой скоростью. Нам даже не верилось, что мы можем так быстро плыть вперед против течения. И лишь случайно, посмотрев на берег, увидели, что мчимся не вперед, а назад, несмотря на то, что стараемся грести изо всех сил...

Первая байдарка этот перекат уже прошла, а мы решили немного сэкономить силы и обойти его по рукаву реки

Ухты. Этим обходом воспользовался наш пес, выскочивший на ближний берег и всем своим видом выражавший — «ну теперь уж вы меня в лодку не заманите»! Впрочем и нам не пришлось долго плыть. Перекаты пошли один за другим и целесообразнее оказалось вести лодки за собою на «бичеве». Так дело пошло быстрее, и к 9 часам вечера мы прошли уже 14 километров.

Лодки вытащили на берег и в сухом сосновом леске устроили лагерь. После ужина легли спать, оставив дежурных. Хотели встать в 10 утра, но уже в шесть все были на ногах. Кто стал подсушивать вымоченную вчера одежду, кто отправился побродить в окрестности.

Дежурный заметил, как из-под пня к байдарке бежит полевка. Он кинулся за ней, но не поймал. На поиски полевок пошли все мальчики. Были обнаружены десятки этих зверьков, но только трое оказались недостаточно проворными. Изготовили тушки, а черепа полсжили в формалине

Лагерь у реки Чуть

для последующей пересылки ученым. В девять часов позавтракали, затем ознакомились с записями дежурных о появлении вокруг ночлега диких зверей и птиц. Птиц отмечали не столько по появлению, сколько по голосу.

Дальше часть отряда пошла на байдарках, часть — пешком по берегу. Сухопутную группу составили зоологи и ботаники, обрадованные некоторыми утренними успехами. Вскоре были добыты еще три полевки, собраны незнакомые грибы вроде дождевиков с широким раструбом вместо шляпки.

В пионерском лагере ребята осмотрели и починили байдарку, пострадавшую на перекатах, и к вечеру 19 июля мы дошли до устья реки Чуть без особых приключений, если не считать того, что пятая встреченная нами белка была поймана в воде (она переплывала реку), но на берегу удра-ла, укусив Майю Емец за палец.

Второй наш лагерь мы разбили на высоком берегу на опушке соснового леса. И комаров там поменьше, и воздух лучше.

20 июля утром из лагеря выступили налегке все краеведы, оставив двух дежурных, которым была поручена охрана лагеря, приготовление обеда.

Следуя вдоль берега вверх по течению реки Чуть, ребята отмечали все, что им было поручено учеными Коми филиала: характер берегов, их строение, растительность, животный мир, старицы, заливы, измеряли скорость течения и глубины. После проделанной работы отметили, что Чуть совершенно несудоходна из-за обилия мелких перекатов. Не проходили даже наши байдарки, и мы оставили их в лагере.

Пройдя около восьми километров, мы издалека услышали звонкие удары и сначала подумали, что это лесорубы, но шума падающих деревьев не было слышно, и только когда перед нами на другом берегу открылось большое

Ребята нашли гранитный валун

обнажение, мы увидели группу палеонтологов, выбивавших из известняков окаменелости. Подошли к ним. Завязалась беседа. Ученые подарили ребятам несколько окаменелостей и пригласили к себе в поселок Водный, расположенный выше по реке Ухте в нескольких километрах от нашего лагеря.

Расставшись с палеонтологами, мы продолжали путь. Густой лес, скрывавший берега Чути, внезапно резкоступился, уступая место высоким скалам, у подножия которых шумела вода перекатов. Пышные заросли водяных лопухов-нардосмий местами перекрывали всю реку.

Немало было зарослей красной смородины, кое-где на лужайках встречалась земляника, но солнце уже явно клонилось к закату, длинные тени ложились на потемнев-

шую воду, и комары, ободренные вечерней прохладой, ринулись на нас в атаку. Пришлось возвращаться назад.

Дежурные не подвели. Каша хотя и подгорела, но вполне была съедобной. Даже наш рыжий пес, большой привередник, умильно просил добавки «за верную службу». А поработал он тоже неплохо — отыскал и задушил шестнадцать полевок.

После ужина отправились в поселок Водный в гости к ученым. По пути мы были свидетелями редкого зрелища, необычайно красивого июльского заката. Когда же почти кончилось гореть небо и оставалась только узкая красная полоса от огромного зарева, вода вдруг вспыхнула. Мы несколько минут сидели очарованные, не в силах двинуться дальше. А когда отплыли, то оказалось, что движемся мы по сказочной реке с красными и багряными волнами и не вода, а бог знает что, падает красными каплями с весел, пурпурными линиями струится за кормой, алеет на мокрых носах байдарок... Зачерпнешь — и колышется в горсти невиданная красная жидкость.

И когда через несколько лет я открыл выпущенные Пекинским издательством «Картины из галереи президента республики Индонезии доктора Сукарно», то мое внимание привлекла одна из иллюстраций. Вьетнамский художник Нгуэн Ван Бинк назвал свою картину «Рыбацкие паруса». Отсветы багрово-красного моря дрожат на скалах и белых парусах рыбацких джонок. А закатное желтое небо и такие же желтые ветви ив на переднем плане удачно гармонируют с красными водами сказочного моря. Слышал я, как некоторые восхищались этой картиной, но говорили:

— Красиво, но выдумал! В жизни такое не бывает.

Бывает! И не только во Вьетнаме, но и здесь у нас на севере, в Ухте.

Ученые уже ждали нас на пристани. Они тепло встретили ребят, показали им свои находки окаменелостей, рас-

сказали о жизни этих давным-давно вымерших животных, ответили на вопросы. И несмотря на всю прелесть лесных ночевок, мы не смогли не оценить достоинств уютного сеновала, на котором устроили нас палеонтологи.

А утром пошел нудный моросящий дождь и почти беспрерывно длился до обеда. О дальнейших экскурсиях на Чуть думать не приходилось, тем более, что задание мы в основном уже выполнили. Потеряв надежду переждать дождь, в три часа дня 21 июля мы отправились в обратный путь.

— Приезжайте и вы к нам в Ухту,— приглашали школьники ученых.

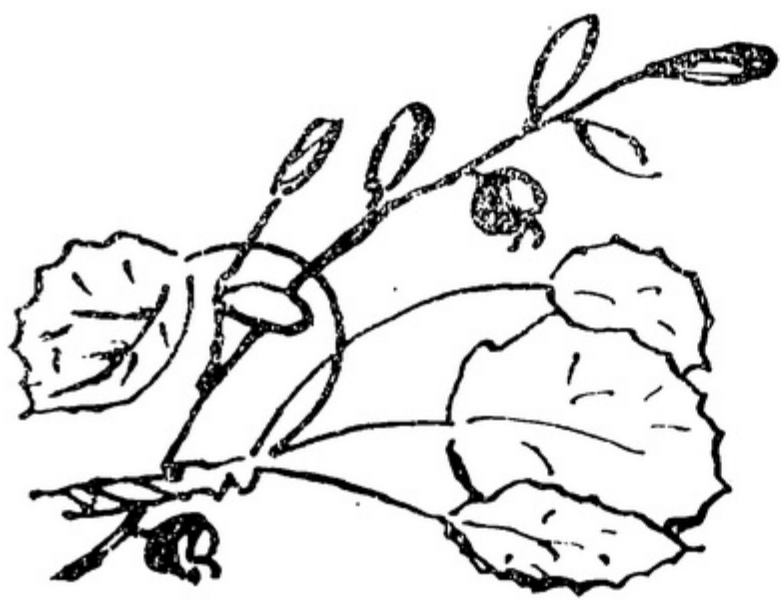
— Непременно приедем!— обещали палеонтологи и потом сдержали свое слово, побывав в нашем музее несколько раз.

Как только мы отчалили, берег скрылся в серой стене дождя, но было тепло, и плащи достаточно защищали нас от промокания. Можно было вообразить себя капитаном в бурном море, полном опасностей! Так и подмывало кричать традиционное морское выражение: «Все наверх!» К сожалению, в байдарке и так все наверху, и под палубой только наш пес «Мальчик», который, наконец, освоился с лодкой и залез в нос под брезент.

Впрочем, кое-какие реальные опасности имелись. То и дело раздавался голос «вперед смотрящего» Алика Гридчина: «Слева по борту камни! Справа мель! Впереди подозрительные буруны!»

И рулевые — Майя Емец и Гена Терентьев брали вправо, влево, к берегу, на середину, обходя препятствия.

Осенью мы оформили отчет об этом путешествии, переплели его, иллюстрировали фотоснимками и переслали один экземпляр в Коми филиал Академии наук, другой — в детскую Республиканскую туристическую станцию.

Осень

ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ!

Сентябрь в наших краях — это пора золотой осени. Еще в конце августа в листве белоствольных березок то и дело мелькают отдельные желтые листочки, багрянцем окрасились листья осины и, тихо кружась, падают в траву. Но только в сентябре начинается настоящая яркая и неповторимая своей красотой таежная золотая осень.

А в октябре по всей стране проходит поход пионеров и школьников «Навстречу золотой осени». Ухтинские ребята всегда принимают в нем активное участие. С раннего утра по всем направлениям идут из города большие и маленькие группы юных путешественников, вооруженных фотоаппаратами, биноклями, компасами, термометрами, блокнотами.

Трудно сразу приметить приближение осени. Каждое утро все большее и большее число растений приобретает осеннюю окраску, и вот уже златокудрыми стали березки,

оранжевым и красным светом горят осинники. Фиолетовыми, розовыми, желтыми стали травянистые растения — папоротники, герани, акониты, майники. Кое-где они остаются еще и зелеными и вместе с зеленью елей, сосен и можжевельника увеличивают и без того пеструю, многокрасочную расцветку сентябрьского леса.

Ходишь, ходишь по лесу в погожий день и все никак не можешь вдоволь налюбоваться этой красотой, этими неожиданными и неповторимыми сочетаниями цветов и красок. Под ногами уже шуршат первые опавшие листья, сверкает роса на спелых ягодах брусники, и звонкие голоса детей, собирающих стройные подберезовики, похожи на веселую переключку птиц.

А птиц уже многих нет. Цепочки серых журавлей оставили родные болота и улетели в теплые края. Их примеру последовали многие мелкие певчие птицы, отряд за отрядом двинулись в путь длинноногие и длинноклювые кулики. Не спешат только белогрудые трясогузки, радостно чирикают и трясая хвостиками.

На опустевшие поля, хрипло каркая, слетаются стаи ворон, собирая оброненные стручки, колоски, насекомых, потерявших укрытие — травостой.

Бывает, что изредка порошит снег, но это ненадолго, он быстро тает. Снова светит солнце, и золотые березки на зеленом фоне елей выделяются особенно ярко. От своей красивой высокой родственницы — белоствольной бородавчатой березы — не хочет отставать и карликовая тундровая березка, обычная обитательница наших болот. Листья ее становятся то ярко-красными, то оранжевыми, то желтыми с прозеленью.

Особенно наряден осенний лес, когда начинают раскрашиваться сибирские лиственницы. То желтая, то оранжевая их хвоя в сочетании с синим сентябрьским небом так и просится на полотно или в объектив фотоаппарата,

Уже выпал снег, но походы не прекращаются

чтобы запечатлеть ее для тех, кто этой красоты не видел, кто не знает, как прекрасна золотой осенью наша суровая тайга.

Смешанный лес, растущий по склону холма на правом берегу реки Ухты, интересен тем, что состоит из довольно разнообразных растительных сообществ — участков еловой тайги, небольших сосновых борков и осинников. Разбившись на две группы, ребята собирали гербарии осенних растений, отыскивали спрятавшихся на зимовку насекомых, осматривали пустые птичьи гнезда, следили за встречавшимися зверями и птицами.

Казалось, раз мало птиц, то холоднокровных животных и вовсе не будет. Тем не менее Вера Чигарева и Таня Вильчик нашли ящерицу, бегавшую по коре елки.

— Мы думали, что сейчас в лесу уже никаких животных нет, — сказал Виталик Наумов, — а сколько их, оказывается, еще есть!

В каждом пне кто-нибудь сидит! И действительно, не только в пнях, но и под корой, и под листвой на земле встречались многоножки, черви, жуки, мухи, наездники.

Даже когда знаешь заранее, что северный лес осенью красив, все равно получаешь массу незабываемых впечатлений. Вот, к примеру, оранжевая лиственница на темно-зеленом фоне ельника. А вот березки в золотом уборе, желтые и оранжевые осинки, осинки красные и пестрые. Багровые пальцы рябин переплелись с зелено-голубыми лапами пихт, и снова лиственницы, но еще не оранжевые, а смешанных желто-зеленых тонов. И как все это расцветает, когда сквозь хмурые тучи прорывается кусок глубокого голубого неба и мягкого солнечного света!

На каждом шагу в осеннем лесу ребята находили все новые краски и формы растительного мира. Казалось, будто деревья, кустарники и травы соперничали между собою в выборе наряда к празднику золотой осени. Даже грибы и те не хотели отставать! Сначала Таня Ильякова, а потом и другие школьники отыскивали много ярких слизневых и трутовых грибов. На дряхлых пнях, на трухлявых стволах березок сидели ажурные фиолетовые, розовые и оранжевые полушляпки трутовичков, кустились сочные булавицы, кучками располагались черные шарики гнилевика.

На вершине холма у костра наша группа встретилась с отрядом ребят из второй школы, а через некоторое время над крутым обрывом, с которого хорошо видны осенние дали и город Ухта, устроили привал и мы. Неизвестно откуда взявшаяся здесь чугунная печка немедленно была приспособлена для приготовления печеной картошки, особенно вкусной потому, что выращена она была самими школьниками на своем пришкольном участке.

Отдохнув и позавтракав, ребята пошли к городу по другой дороге — через луга и поля, где им встретились последние осенние цветы: лютики, скерды, ромашки, клевера.

ПО РОДНОМУ ГОРОДУ

Предложение совершить экскурсию по родному городу вызвало у ребят разочарование.

— Куда-нибудь подальше — можно. А по городу — скучно. Да и чем он знаменит, наш город?

— А вот и знаменит, — говорю я. — Вы знаете, ребята, что там, где сейчас расположена городская электростанция, русский купец Федор Прядунов построил первый в мире нефтеперерабатывающий завод?

— Нет, не знаем.

— А что на берегу реки Ухты, там, где сейчас раскинул свои цеха завод «Комиэлектростеатит», находится одна из первых нефтяных скважин?

— Расскажите, Кирилл Федорович! — наперебой зашумели ребята.

Начали мы свой поход с городского парка. Сосны, сосны, сосны... Но почему большинство из них совсем зеленые, а в хвое других пробивается желтизна? Вот и совсем желтые иглы. Разломали веточку — внутри дыра, ход жука, которого называют малым сосновым дубоедом. А на другой ветке никаких вредителей мы не нашли. Просто иглы от старости пожелтели. Оказывается, сосна тоже меняет свою хвою.

— Кирилл Федорович,— просят заинтересованные ребята,— деревья мы и в лесу посмотрим.— Расскажите лучше нам про Ухту.

Это сделать не так уж трудно, особенно когда любишь свой город, знаешь его историю. И я продолжаю свой рассказ.

— Наш город, ребята, можно считать «крестником» Владимира Ильича Ленина.

— Как это — крестником?— не поняли они.

— Ильич еще в первые годы после революции заинтересовался ухтинской нефтью и дал задание собрать все известные о ней материалы.

— А кто их собирал?— спрашивают ребята.

— Многие.

— Приезжали в Ухту?— спрашивает Светлана Пронкина.

— Ты что, в Ухту,— зашумели все.— Ведь ее тогда еще не было.

— Верно, не было. Материалы собирали в архиве Архангельска и других городов.

— А что дальше?

Дальше начались трудные годы борьбы за ухтинскую нефть. В 1919 году на реку Ухту вышла первая советская экспедиция. Это был долгий и мучительно трудный путь. Они поднимались на лодках по реке Вымь, которая впадает в Вычегду, тащили их волоком, шли пешком.

Мы шагаем по улицам города. В разговоре время летит быстро. Ребята вспоминают прежнее расположение улиц и домов. Город ведь строится и меняется на глазах. Вот одноэтажный деревянный домик. Это одна из первых построек Ухты, где жил буровой мастер Иван Ильич Косолапкин — один из основателей нашего города. Когда-то этот маленький домик считался одним из лучших. А сейчас рядом с ним высятся четырехэтажные здания из светлого кирпича.

Незаметно вышли на улицу Мира. Она самая красивая и нарядная в городе. Здесь выстроен замечательный ансамбль многоэтажных жилых домов.

— Знаете, ребята, кто составлял проект застройки этой улицы?

— Это, наверно, где-нибудь в Москве, — отвечает кто-то из девочек. Остальные молчат.

— Как раз наоборот — наши, ухтинские архитекторы Мурзин и Жижимонтов.

Девочка, отвечавшая на мой вопрос, смущенно умолкает.

— А ты говоришь — в Москве! — зашумели на нее ребята.

Осталась позади красивая улица Мира, и мы веселой гурьбой вышли на берег реки Ухты, как раз в том месте, где в нее впадает маленькая речушка Чибыю. Местные охотники дали ей очень меткое название. В переводе на русский язык Чибыю означает вода-жеребенок. Холодная прозрачная вода речушки и в самом деле похожа на жеребенка. Она быстро скачет по оврагам, делает крутые повороты, часто меняет русло. Точь в точь как маленький жеребенок. Впадая в Ухту, речушка образует широкое песчаное устье, которое жители города превратили в пляж.

— Мы тоже здесь купались, — говорят ребята.

Разговор переходит на купание. Эта тема живо всех интересует, особенно мальчиков.

— Ребята, отсюда когда-то начинался наш город.
Все удивлены.

— Почему же здесь ничего не построено?

— Потому что в половодье река сильно разливается и заливают весь этот участок,— отвечают сами же участники экскурсии. Поправлять не пришлось.

— Здесь в 1929 году высадилась и разбила свои палатки экспедиция, которая начала строить наш город, искать в тайге нефть. А теперь, смотрите, какие заводы выросли в Ухте.

На берегу реки один за другим длинной вереницей выстроились словно в очереди к водопое механический, нефтеперерабатывающий заводы, огромное здание городской электростанции, заводы строительных материалов, железобетонных изделий.

— А знаете, ребята, почему все они расположены на берегу реки?— задаю вопрос.

— Потому что им надо много воды.

— Правильно.

— А на каком берегу реки находятся эти заводы?

— На правом,— сказали одни.

— На левом,— сказали другие.

— Надо стать лицом по течению,— напомнил я.

— На левом, на левом!— дружно зашумели ребята.

Проходя по Первомайской и Октябрьской улицам, ребята припоминали их историю. И перед ними как бы оживали фотографии и рисунки старой и новой Ухты, размещенные на стендах отдела истории краеведческого кабинета Дома пионеров.

Каким будет наш город завтра? На этот вопрос ответить нетрудно. Начало завтрашней Ухты — это каменные «коробки», траншеи и котлованы фундаментов, линии газопровода, отопления и канализации.

В некоторых глубоких котлованах по их стенам можно было прочесть древнюю историю местности, на которой расположен наш город — крупный галечник речных наносов, мелкий горный песок от разрушения скал, снова галечник, гравий, а вот и морские отложения — тяжелые сланцевые глины, обломанные окаменелые раковины, кораллы, мшанки, вымытые когда-то протекавшей рекой из пластов известняка... Не так давно рабочие отыскали здесь обломок бивня мамонта, а прораб Владимир Иванович Кудрявцев нашел даже зуб очень древней панцирной рыбы.

Снова улица Пушкина и парк. Конец экскурсии.

— Жаль, что так скоро окончился наш поход, — говорит Валя Жукова.

Но уже темнеет, зимний день короток. Пора расходиться по домам...

Приложения

План экскурсий кружка юных краеведов Дома пионеров г. Ухты на июнь месяц

№ п/п	Дата и часы	Где будет экскурсия	Цель экскурсии	Что будет изучаться
1	12.VI. 7—8 ч. вечера	Торфяное болото за парком.	Ознакомление с растениями и животными торфяных болот.	Ярусность растений (надземных). Приспособление растений к жизни на торфяных болотах.
2	14.VI. 6 ч. 30 м.— 8 ч. веч.	Озерко и каналы на левом берегу р. Ухты.	Сбор пресноводных животных и растений для аквариумов.	Ярусность подводных растений. Приспособление растений и животных к жизни в воде.
3	17.VI. 10 ч. утра—3 ч. дня	Луга, леса и болота правого берега реки Ухты.	Знакомство с жизнью растений и животных.	Ярусность растений луга и леса. Приспособления животных и растений к жизни в лесу и на лугу.
4	19.VI. 6 ч. 30 м.— 8 ч. вечера	Обочины дорог и отмели на реке Ухте у города.	Изучение придорожных растений. Сбор на отмели окаменелостей.	Приспособленность растений к жизни у дорог.
5	24.VI. 10 ч. утра—4 ч. дня	Леса и болота под Шорой.	Сравнение растений и животных прибрежной полосы рек с отдаленными местами.	Ярусность растений надземных и подземных. Раст. паразиты и сапрфиты. Борьба растений за существование.
6	26.VI. 6 ч. 30 м.— 8 ч. вечера	Озерко и каналы на левом берегу реки Ухты.	Сравнение изменений в составе растений и животных по сравнению с прежней экскурсией.	Защитные приспособл. и окраска водных животных. Предостерег. окраска.

Темы экскурсий, проводившихся в школьном краеведческом музее

Дома пионеров за 1953 — 1962 годы

№ п/п	Название темы	Для каких классов
1	Птицы нашего района.	1—7
2	Звери „	„
3	Рыбы „	„
4	Растения „	„
5	Полезные ископаемые нашего района.	„
6	Как возник и развился наш город Ухта.	5—7
7	Геологическое прошлое Ухтинского района.	4—11
8	Животный и растительный мир Ухтинского р-на.	7—11
9	Полезные и вредные животные Ухты.	5—11
10	Полезные и вредные растения Ухты.	„
11	Как человек переделывает природу Севера.	4—11
12	Животные и растения леса.	5—7
13	„ „ лугов.	„
14	„ „ болот.	„
15	„ „ водоемов.	„
16	Животные и растения связанные с хозяйством человека.	„
17	Промысловые звери, птицы и рыбы.	„
18	Насекомые нашего района.	„
19	Сезонные изменения в нашей природе.	„
20	Покровительственная и предупреждающая окраски, мимикрия у животных нашего района.	9—10
21	Многообразие животных и растений на примере нашего района.	„
22	Приспособление наших животных и растений к различным условиям существования.	„
23	Многообразие в мире насекомых.	8—11
24	Изменение фауны по зонам Советского Союза от тундры до пустынь (по материалам музея)	„
25	Происхождение животных и растений (с привлечением материалов музея)	7—11
26	Происхождение человека.	„
27	Зачем и как нам нужно охранять нашу природу.	4—11
28	Рельеф нашего р-на, его современный вид и происхождение.	6—11
29	Интересные уголки природы нашего района.	„
30	Природа Ухтинского района.	5—11
31	Как организовать в школе краеведческий уголок.	„

План работы краеведческого кружка на сентябрь — октябрь.

№ п/п	Дата и часы	Где будет экскурсия	Цель экскурсии
1	4. IX 17—19 ч.	Мелкие водоемы в пойме реки Ухты.	Сбор водяных животных и растений. Кто как приготовился к зимовке.
2	7. IX. 17—19 ч.	Река Чибыю и р. Ухта.	То же. Для текущих водоемов.
3	9. IX. 10—18 ч.	г. Ухта — г. Сосногорск — вверх по р. Ухте до города.	Сбор окаменелостей девона для музея. Ознакомление ребят с геологическим разрезом верхнего девона.
4	11. IX. 17—19 ч.	Окрестности Дома пионеров.	Вырыть шурф на месте находок орудий первобытных людей с целью выяснить толщину культурного слоя.
5	14. IX. 17—19 ч.	Лес у Нагорного поселка.	Разобрать и просеять муравейник рыжих муравьев с целью узнать, кто в нем живет (не только муравьи!)
6	16 IX. 9—19 ч.	г. Ухта — пос. Первомайский — р. Доманик — Сангородок — г. Ухта.	Прокладывание нового туристского маршрута.
7	18. IX. 17—19 ч.	Парк у Дома пионеров.	Осмотр деревьев парка. Кто друг, а кто враг леса.
8	21. IX. 17—19 ч.	Лес Нагорного поселка.	Сбор мха, веток, пней и т. д. для макетов.
9	23. IX. 11—13 ч.	Обнажения на р. Ухте в черте города.	Сбор окаменелостей девона и карбона для музея.

Примечания: 1. Аналогичным образом составляется план на октябрь — ноябрь. На зимние месяцы пешие переходы заменяются лыжными. 2. При непогоде (дождь, снег, мороз) экскурсии и походы заменяются работой в кружке по монтажу, ремонту, изготовлению различных коллекций и экспозиций в музее.

СОДЕРЖАНИЕ

Наш краеведческий музей

Так у нас началось	5
Все можно найти на месте	11
Работа секции зоологов и ботаников	12
В отделе геологического прошлого	20
Что дает ребятам кружок?	23

В поход за экспонатами

Весна

Навстречу весне света	27
Ранней весной	30
Когда сходят снега	33

Лето

По малым рекам	37
В верховьях реки Седью	43
По реке Айюве	50
У скал и пещер реки Чуть	54
К Чути на байдарках	61

Осень

Здравствуй, осень золотая!	68
--------------------------------------	----

Зима

По родному городу	72
Приложения	77

Кирилл Федорович Седых

ПО ЮЖНОМУ ТИМАНУ

Оформление *В. Мамченко*

Редактор *М. Соловьева*

Корректор *А. Чеусова*

Техн. редактор *И. Цивунин*

Сдано в набор 13/III-1963 г. Подписано к печати 27/IV-1963 г. Формат 60×84^{1/16}. 2,5 бум. лист., 5,0 печ. лист. (Уч.-изд. лист. 3,61). Тираж 2000. Заказ № 1310. Ц01530. Цена 11 коп. Коми книжное издательство. Дом печати.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Полиграфиздата
Министерства культуры Коми АССР

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963